

РУССКИЙ ФРОНТИР

ОЛЕГ ДИВОВ • ВАДИМ ПАНОВ • ДМИТРИЙ
ВОЛОДИХИН • АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
ЛЮДМИЛА БЕЛАШ • АЛЕКСАНДР ТЮРИН
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ
и другие

Русская фантастика (Эксмо)

Александр Тюрин

Русский фронтир (сборник)

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тюрин А. В.

Русский фронтир (сборник) / А. В. Тюрин — «Эксмо»,
2018 — (Русская фантастика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-091196-7

Могучая Российская Империя 2.0 начала масштабную экспансию по всем направлениям. Она основывает новые города и колонии в космосе, берет под контроль планеты в разных концах галактики, ведет разведку океанских глубин, если надо – отстаивает свои интересы с помощью вооруженных сил. Но имперская экспансия – это и стремительное развитие науки, обновление информационной сферы, творческий поиск и напряженное размышление над этикой и новыми формами образования. Империя постоянно раздвигает свои пределы во всех сферах мироздания: территориально, интеллектуально, творчески. Она не знает понятия границ, ибо ее потенциал безграничен. Россия веками прирастала дерзновением горстки смельчаков, когда за казаком шел монах, а за ними – строитель и купец.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091196-7

© Тюрин А. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	6
Людмила и Александр Белаш	8
Олег Дивов	23
Эдуард Геворкян	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Русский фронтир

Составители С. Чекмаев, Д. Володихин

Серия «Русская фантастика» основана в 2003 году

Разработка серии Е. Савченко

© Белаш А., Белаш Л., Володихин Д., Геворкян О., Дивов О., Елисеев Г., Марков А.,
Панов В., Прососов И., Сизарев С., Трускиновская Д., Тюрин А., Федотов Д., 2018

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Предисловие География будущего

В сегодняшнем дне всегда присутствуют образы будущего. И не только образы, но и сценарии. Мало того, время от времени начинается битва сценариев на вытеснение: одни падают, избитые, изувеченные, другие торжествуют.

Притом совершенно необязательно, что реализуются сценарии-победители. Для того чтобы тот или иной футуро-сценарий стал реальностью через десять, пятьдесят или сто лет, достаточно, чтобы сегодня он захватил изрядное количество умов. Иными словами, чтобы его помнили, о нем думали, он присутствовал как возможная перспектива хотя бы для меньшинства.

Быть может, время еще не раз поменяет цвета перед тем, как реальность потянется к одному из припасенных сценариев и оживит его. Кто знает, из кого тогда будет состоять большинство... и сколь могущественным окажется меньшинство, выбравшее тот футуро-сценарий, который, казалось бы, заведомо проиграл и выбыл из интеллектуальной гонки.

Посмотрите вокруг себя: кусочки смальты из мозаики будущего уже появились здесь и сейчас, география будущего уже проступает в истории настоящего.

Горе той стране и тому народу, которые не имеют собственной утопии. Утопию им обязательно нарисуют... деловитые художники откуда-то извне. И скорее всего, в предложенной утопии будет маленькая червоточинка, которая со временем разрастется в большую пропасть. Ведь никто не станет рисовать утопии соседям... совершенно бескорыстно.

А где она, наша утопия? Утопия, пригодная для современного русского человека? Ау! «Не дает ответа...»

Антиутопий – ворох: от самых серьезных, основательных до сталкерной бутафории и «метро» шных страшилок. А вот «светлого-доброе» на будущее расписано скудно.

Да и можно ли ныне создать футуро-сценарий, который удовлетворит все население России или хотя бы большинство? Вот уж вряд ли, учитывая, до какой степени это самое население расколото. Одни зовут: «О, пойдем же, поклонимся Европе, о, станем же наконец людьми, что мы все в потемках да в потемках?!» Другие мечтают: «Подайте нам СССР-2, и чтобы всех изменников – на кол!» Третьи видят, что ничем, кроме Империи, Россия быть не может, а потому предлагают: «Совместим традицию с прогрессом! Когда-то, при царе, талантливые русские инженеры построили Транссиб, самую длинную железную дорогу в мире. Хорошо бы и в будущем совместить сильных царей с отличными инженерами».

Мы сделали книгу, которая предназначена для тех, кто мысленно уже выбрал третье, и для тех, кто еще колеблется, но уже подумывает встать на этот путь. Наша Россия будущего – звездная Империя с монархом во главе, с Церковью, но и с высокоразвитой наукой, технологиями, мощной экономикой. Это не палеоимперия, это футуроимперия.

Наша Россия будущего – государство, постоянно развивающееся, не стоящее на месте ни единого дня. Она позволяет выбрать: одним – покой и уют метрополии, другим – звенящие ветра фронта.

В сборнике «Российская империя 2.0» мы говорили о том, что в конце XXI – начале XXII столетия на месте нынешней России будет существовать могучая Российская империя. В ней быстрое инженерно-техническое развитие придет в гармонию с традиционными ценностями: крепкая семья, прочная вера, ощущение братства в обществе, монархия. В Российской империи не будет понятия «сверхчеловек», «постчеловек», «homo super»: все делают обыкновенные люди из плоти и крови, с биологическим мозгом, а не с электронным. В сборнике «Русский фронтир» мы показываем Империю не в статике, а в динамике: она ведет постоянную всесто-

ронную экспансию. Она основывает новые города и колонии в космосе, берет под контроль планеты в разных концах галактики, ведет разведку океанских глубин, если надо – отстаивает свои интересы с помощью вооруженной силы.

Но экспансия ведется не только в пространстве. Имперская экспансия – это еще и стремительное развитие науки, которую государство щедро финансирует, создавая мощные центры-узлы научного поиска; это и постоянное обновление информационной сферы; это и творчество в искусстве; это и напряженное размышление над этикой и новыми формами воспитания, которое должно создать человека, твердого в основах, но способного к стремительному освоению новых знаний и творческому их применению. Империя постоянно раздвигает свои пределы во всех сферах мироздания: территориально, интеллектуально, творчески. Она не знает понятия границ, ибо ее потенциал безграничен.

Рубежи Империи, «Русский фронтир» – это то, что постоянно отодвигается дальше, дальше, дальше.

Наши границы в будущем – прощание с границами.

Дмитрий Володихин

Людмила и Александр Белаш Посев

*Далеко-далеко, за морем,
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна.*

Михаил Фроман

Когда они смеются, то не прикрывают рот ладонью. У них всех здоровые белые зубы. Как жемчуг.

А еще их командиры носят тонкие суконные шинели цвета голубинового крыла, волшебные легкие и очень теплые. Такой же сизый цвет – у туч, из которых они опускаются в Наместье. На барахолке за похожую шинель просят пять дирхамов серебром или дюжину банок тушенки.

Зовут их «орланы», морские орлы, поскольку они прилетают по небу со стороны моря. И еще из-за гербов на фуражках. Эти гербы у них повсюду. Что конвойный бронebaгги, что фургон, что воздушный корабль – каждый борт с двухголовым орлом.

Говорить с ними запрещено, за это меч, башка с плеч. Но смотреть можно, когда разгружаешь заморский завоз с едой и мануфактурой.

Из себя важные, глядят свысока, поступь широкая, твердая.

Наблюдая за орланами, Коби пытался представить – кто они, откуда? Почему такие сытые и чистые?

Про старину и заморье мало кто знал. Когда были книги из бумаги и плитки с бегучими буквами, в них читали о старинном, но еще при бабке Коби алиены-господа велели все сломать и сжечь. В резервации позволили оставить одну Библию, она постоянно хранилась в подземной молельне, выносить нельзя. Преподобный пастырь и его ученики за это отвечали головой. И если лишнее рассказывали – тоже. Бывает, найдется наушник, алиенам донесет – ради награды или чтобы самому стать пастырем. Должность завидная – кормиться от общины, а работа – знай читай да требы исполняй.

О мире и о новостях неверным сообщал глашатай алиенов. У него тоже работка непыльная – кричать с башни призыв на молитву, учить недорослей и оглашать в резервации волю господ. От него Коби и нахватался знаний, не считая рассказней между своими.

Мир зачумило неверие, за это Бог покрыл его наполовину морем, покарал дождями и снегами. А кого и вовсе утопил – Альданитарк, Хуланду, которые дряхлый пастырь называл Голландия и Дания. Но Наместье, где держалась вера алиенов, пощадил, лишь побережье там-сям залил. И оставил Ирланду на западе, как охотничье угодье; смельчаки туда ходили за хабаром и милашками, не брившими голов. Правда, не все возвращались.

На востоке за волнами – черно-рабская Фаранса, там другие алиены ложно исповедуют по-дикому – воинственные, злые укурки. А дальше вдоль земли и моря высится Вахтам-Раин, защитный вал германов. За ней – «дом войны», земли неверных. Там злой ад и тьма – чем дальше, тем чернее. Оттуда-то, из самой дали, прилетают в тучах корабли, похожие на кабачки.

– Огражденные морем, – вещал глашатай согнанным на майдан неверным, – мы как светоч посреди кромешной ночи. Вам даем жизнь и защиту, а пришельцам – милость. Орланам позволяется держать подворья в Кинате, в Сасикисе, чтоб складывать к ногам наместника завоз даров...

– Кент, Суссекс, – потупив взгляд, еле слышно шептал Коби себе под нос. Глядеть прямо на глашатая, как на любого алиена, – запрет, башка с плеч. Но истому скинхеду полагается

хоть в малом поступать наперекор. Да и звучат старорежимные названия на прежнем языке гораздо лучше, чем на пиджине.

– Помните главные запреты – не подходить к стене подворья, не говорить с чужаками, не брать из их рук, не оказывать знаки внимания жестами или гримасами! Нарушитель лишается милости и снисхождения, он – жертва меча, и голова его – на тыне. Кто малые запреты преступил, тот извергается прочь из Наместья – как скотину, отдадут его за море, в рабство без возврата, на муки и долгую смерть!..

Каждое воскресенье он так выкрикивал, заучено и одинаково. В аккурат после литургии, когда причастишься, вылезешь на свет божий из молельного подвала и вздохнешь полной грудью – а тут этот петух как загорланит! Половина настроения насмарку. Или больше, судя по новостям.

Перед стадом неверных, сидящих на корточках, глашатай чувствовал себя возвышенно, словно на башне в час призыва. Вместо лиц и глаз на него смотрели бритые макушки. Велико поголовье скинхедов в Кинате, много пользы от него наместнику.

– Близится срок платить выкуп за жизнь – динар с мужчины. Помните о нем! Кто ленив или скуп, отдаст городу ребенка...

От толпы донесся сдавленный долгий вздох. Двадцать дирхамов, немалые деньги. Но скинхеды чадолюбивые – надорвутся, а уплатят.

– Теперь возрадуйтесь! Лето выдалось урожайное, зимой всех ждет сытный прокорм. Вдобавок наместник дарует вам приработок...

При этих словах кое-где мелькнули поднятые на миг лица.

– В долинах и холмах размножились бродячие собаки. Они – злой ад, угроза овцам, гибель женщинам и детям. Можете их убивать ножами, самострелами, ловушками. Оплата – дирхам за семь голов, а собачина и шкуры – ваши. Соль и химикаты на выделку шкур город даст за полцены.

По сидячей толпе прошло оживление, раздался радостный гомон. Охоту разрешили! Впереди жирная зима, да и на выкуп заработать стало проще! Кожевникам и скорнякам прибавится работы, зато можно будет приодеться, а излишки сбыть в другие резервации.

Тотчас, как глашатай и его охранники ушли, собрался сход мужчин. Стайных псов добывают сообща, и мэр поселка назначил – от тинейджеров и старше всем собраться в промысловые ватаги, чинить охотничьи снасти, ладить волокуши. От охоты отстранили только винокуров, потому что гнать спиртягу для заправки алиенских тачек – дело архиважное.

Снаряжение готовили с одушевлением, словно готовились брать город приступом. И если вместе, то уж вместе. Для такого раза собирались вечерами в повети при чьей-нибудь хижине, зажигали лампы, вострили ножи, мастерили, пели скинхедские песни –

К пеньку на болоте приколот листок,
Его накорябал какой-то пророк —
Мол, злые собаки захватят страну
И скопом пойдут англичане ко дну.

И столько в полях наших стало собак,
Что не продохнуть уже, так их растак!
Так ладь самострел, наконецник точи,
Готовься собак проклятущих мочить!

Не псалом же и не бунтовское разжигалово – дозволенное песнопение неверных.

Под конец скопом пошли к преподобному, чтобы тот освятил болты и арбалеты, а на другое утро до рассвета двинулись ватагами в поля. За каждым отрядом ребятня, зевая с недосыпа, тащила волокуши, пока порожние.

Впереди крылась в синем тумане осенняя ширь, слабо виднелись огни на корабельной вышке орланов – красные, похожие на звезды.

Из мглы доносились удары колокола – в подворье звонили к заутрене.

Правда, тогда Коби не знал, что это церковное, вроде криков глашатая с башни. Думал, орланы часы отмечают.

Их подворье находилось на так называемой Голгофе, где встарь был свиной могильник.

Издавна там рубили или распинали, судя по вине, и лобное место пришлось передвинуть, когда орланы стену строили. Но традиции святы, казнить продолжали. Стена оставалась глуха ко всему, что под нею творилось. Высоченная, в четыре роста, из плит вроде железных, с круглыми слепыми башенками через равные промежутки. Как они там живут?.. Над стеною торчала лишь вышка, к верху которой носом прикреплялись корабли. И ни звука оттуда – один колокол.

Из-за стены они чаще вылетали кораблем. Запускали в воздух крутолеты, иногда такие маленькие, кошке не вместится, или пузыри с винтами по бокам, бесшумные как призраки. А выезжали – с дарами, колонной. Бронебагги впереди и сзади, посередине фургоны. Разгрузятся у города, их командиры погуляют взад-вперед, после по машинам и обратно.

Кроме этого, ворота открывались, чтобы принять рабов от алиенов. В месяц-два раз виновных собирали с резерваций – и туда. На взгляд Коби, это похуже казни. Так хоть похоронить позволят, а тут люди пропадали без следа. Каково с живыми-то детьми навек прощаться!.. Кто на малых запретах палится? Тинейджеры! Им «снисхождение» самое лютое – от отца-матери в неведомую даль...

И все равно стена притягивала, как все тайное.

Хоть краем глаза глянуть за нее.

Последнюю собачью стаю окружили невдалеке от Голгофы, перестреляли издали. Ох, визгу было!.. И, как на грех, Коби по псу промазал – тот извернулся, вырвал зубами болт из ляжки и на трех ногах пустился в заросли.

Дружки насмехались:

– Твое мясо убежало и полкуртки с ним. Натяг у самострела слаб, еле воткнулось.

– Догоню подранка, – будто не замечая подколов, сказал Коби вожаку ватаги. – Он кровит, далеко не уйдет. Сам в поселок притащу.

– Иди, – кивнул тот. – Долго не плутай, к стене не лезь.

Было к полудню, небо хмурилось, с моря натянуло мелкий дождь. Знал подранок, где скрываться – ушел в низкий и непроглядный терновник, куда лезть можно только в рачьей скорлупе, кругом шипы.

А рассказывали, раньше на холмах высился лес с легким подлеском, насквозь все видно. Но алиены пришли и пожгли деревья на дрова, осталось как в Библии – плевелы, волчцы и терния. Ходи тут по кровавым следам!..

– Я ж тебя достану, – цедил Коби, продираясь сквозь колючки со взведенным арбалетом. – И зажарю с луком.

Возвращаться без добычи было горше смерти. Изведут попреками и шутками – горе-охотник! – а вдобавок прозвище дадут, Мазила. С таким ником ни к одной девчонке не подкатишь.

След пересекся ручьем. Здесь пес, от боли поумнев, пустился вдоль воды – в какую сторону? Впору отчаяться.

– Где же ты, тварь?

– Сюда!.. – вдруг позвал со стороны голос, тонкий, словно девичий.

Коби вздрогнул, опуская самострел, чтобы случайно не нажать спуск. Сколько раз бывало на охоте – поворачивался человек на оклик и без умысла пускал болт.

– Кто тут?

– Сюда!.. – слабея, звал голос.

«Может, кто из девчонок за мной увязался?.. Побежала, заблудилась...»

За сплетенными ветвями и зелено-желтой рябью листвы ни черта не разглядеть!

– Где ты?

– Сюда!..

Он полез напролом – вдруг с ней беда? Ногу подвернула или что.

Но, оказалось, звал его не человек.

На травянистом пятачке из вздутой бугорком земли торчало нечто, вроде мелкого яйца или гриба-дождевика – тусклое, бледное, серовато-желтое. Именно от этой штуки шел голос.

В растерянности опустившись рядом на колени, Коби пробормотал:

– Господи Сусе, да что ты такое?..

– Руслик?.. – позвал Матвей внезапно замолчавшего соседа по столу. – Если срочные новости, сразу выкладывай.

– Да. Есть возможная добыча, – заговорил Руслан, выслушав шепот модуля на ухе. – Прошла первый уровень годности – народ, возраст, вера. Система ведет анализ личности и усыпляет его бдительность.

Сигнал застал их в офицерской столовой. Матвей обмакнул в винный соус пельмень и изучал его, наколотый на вилку:

– Парень?

– Подросток. Уточняется возраст и уровень интеллекта.

– Негустые у нас всходы. За посевной сезон – три кандидата. Один зерно разбил, другой зарыл... До фазы деления ни разу не дошло.

– Эти два были черного толка; я на них и не рассчитывал особо. Рано горевать, посев-то первый, опытный. И таки результаты налицо.

– Когда ляжет снег, все кончится. И нас с тобой отправят на Аляску, ставить опыты на белых мишках. Кажется, эти будут перспективней. Потрудиться, так они хором «Боже, Царя храни» нам споют.

– Я писал уже в центр – зерна невсхожие, программа годности неизбирательна. Потребуем к весне еще полкило зерна и повторим посев. Из-за неудачи глупо закрывать проект...

– Начальству доказывай. Давай по компоту – и за работу. Где он, этот наш кандидат?

Руслан сверился с картой на запястном мониторе, поменял что-то в настройках:

– Метров семьсот от стены, в терновнике. Зерно у него в руке. Положение не изменяется. Идет речевой контакт.

– Ну да, выйти из леса не может, грибы не пускают... Представляю себе его состояние – встреча с говорящим коконом. А догадался кто-нибудь проверить зернышки на нашей детворе?.. Ладно, вопрос некорректный.

С этим Руслан про себя согласился. Детям только дай. Младшенькие сразу раскурочат, старшие станут исследовать и доберутся до фазы деления. Вот тут веселье и начнется! Пока родители и учителя хватятся, весь школьный класс обзаведется игрушками-болтушками. Если раньше не приедут ласковые дяди в штатском, чтобы выкупить расплодившиеся зерна по пять рублей за штуку. Ведь когда-нибудь деление кончается.

Всю дорогу до места работы он глядел на монитор – контролировал зерно и кандидата, – изредка отрываясь откозырять старшему по званию или ответить младшему на приветствие.

Кругом военные, даже на кухне, поскольку передовая база – форпост на отдаленном рубеже, в отрыве от империи. Гарнизон и арсенал с расчетом на недельный бой в осаде, если aliens обезумеют, решив пойти на приступ. То есть если дойдут до стены, что навряд ли.

– Вот кстати, – заметил Руслан оживленно, изучая на ходу экран, – и псовая охота объяснилась. Пишет разведка – прослушала тайный военный совет. С городских складов уйдет тонн пять провизии, которые хранились на прокорм скинхедов.

– Куда еще?

– Маленькая священная войнушка. Смелчаки Кента и Суссекса отправляются в поход на Лондон, бить паки, индусов и их жалких гнилозубых кокни. За неправильную веру, разумеется. По планам командиров, обернутся до снегов. Рассчитаны потери и добыча. То есть наши местные заготавливают солонину не себе, а тем, кого пригонят смелчаки. А винокурня гонит спирт для боевых тачанок.

– Значит, богатый урожай пойдет не впрок – все изведут на кампанию, – рассудил Матвей как эксперт. – И кандидата нашего в обоз возьмут вьючным ослом, а в Лондоне паки его из винтовки застрелят. Вот мы и потрудились для державы, Руслан Альбертович. Оправдали свое денежное довольствие, подготовку по проекту, перевозку наших тушек дирижаблем и банку зародышей с искусственным интеллектом, местами достигающим кошачьего. Слушай, а может, осуществим подстрекательство? – Он остановился у дверей их кабинета. – Зарядим парня мыслью, что пора валить? Семьсот метров до стены...

– И нарушим сразу ряд пунктов проекта. Полнота анализа, ввод мотивации и вектора стремления, а также...

«Упертый, все б ему по пунктам!..»

– Зато об успехе отчитаемся, центр возликует, пришлет кило семенного материала и новый дрон-сеялку. Освоим Суссекс...

– Мне тоже хочется, – потупившись, негромко молвил Руслан. – Но давай попробуем сначала разработать Коби, как предписано. Пусть выберет сам.

– Коби... Джейкоб? Значит, Яша. Тогда начинай. Внуши ему позитивную модальность его имени. В конце концов, все начинается с семантики. Может, они и развалились потому, что разучились называть явления и вещи правильно.

– Ну, с алиенами у них ошибки нет...

– Скинхедский термин. Между этническими группами в ходу другое – «господа» и «неверные».

После охоты в поселке был праздник стряпни и обжорства.

Пока вожак ватаг сдавали по счету собачьи головы и получали взамен серебро, поселчане разожгли надворные очаги, жарили-варили, мездрили шкуры скребками. Всем дело нашлось, все балагурили и веселились, предвкушая сытный ужин, – один Коби, позже других вернувшийся с полей, выглядел замкнуто, подавленно. Про его неудачу уже растрезвонили, но по сути она пустяковая – с кем не бывает?

И дружки перестали вышучивать, и отец по плечу потрепал в утешенье: «Забудь! Подумаешь, промах, велика забота!» – а он, поджав губы, все смотрел сквозь собеседников или под ноги.

Общее веселье шло мимо него, обтекая Коби по сторонам, как ручей – камень. Единственная мысль его сверлила и давила:

«Что же я нашел? Что мне с ним делать?»

По мискам разложили мясо, приправленное петрушкой и томатами, Коби возился в нем ложкой, но перед глазами вместо харча шли туманные картины, наваянные голосом... гриба? клубня? Даже назвать кругляш правильно слов не хватало. Одно ясно – яичко не живое. Твер-

дое, холодное, как галечный голыш, лишь весом легче камня. Гладкое, без глаз, корней и кожуры.

Но этот голыш говорил с ним, понимал и отвечал. Больше того – давал советы и рассказывал о небывалом. За то малое время, пока Коби с ним беседовал в терновнике, яйцо успело наболтать столько, что можно месяц ломать голову.

«Я твой друг из восточного мира, – его речь фраза за фразой накрепко откладывалась в памяти. – Ты нашел меня, чтобы жить лучше. Береги меня, храни рядом с телом. Я буду учить тебя верным словам и указывать путь».

«Ты... тебя... что... У тебя имя есть?»

«Чтобы назвать его, нужен точный язык. Пиджин плох – он уродлив, его слова – чужие, огрызки речи алиенов и чалматых хинду. Прежний тоже – он коверкает рот. Ты научишься говорить правильно, потом – писать».

«Зачем? Что... мне нельзя».

«Можно, если осторожно. Кто знает язык и письмо, тот откроет дверь на восток и даст свет западу. Мы будем говорить наедине – ты и я».

Задавая вопросы и слушая ответы яйца, можно было просидеть в зарослях дотемна.

«И где мне с ним уединиться? – донимало Коби. – Уходить из поселка в долину... Прятаться в повети или подвале... Вдруг еще кто застучает – тогда хана. Слухи пойдут – де, Коби стал задумываться, заговариваться. С гладким камушком беседует – как пить дать в юродивые метит, вот-вот начнет пророчить. До алиенов дойдет – разрешат ли они дурака держать в поселке?... Тьфу, да о чем это я?! Не лучше ли будет зарыть его?... Или разбить?»

Но тогда – конец волшебной речи, всем мечтам конец. Живи скотом у алиенов и до могилы жалей – зачем расколотил кругляшку молотком, зачем в землю закопал?

«И ведь я это отрою вновь. Буду в ладонях греть, шептать над ним: «Ну, проснись, хоть словечко скажи о востоке, как оно там у орланов...»

А говорила круглая вещица странное, до дрожи странное.

За морями, за утонувшими землями, за огнедышащим валом германов – Rossiya, Imperiia. Она громадная, куда больше Наместья; ее граница там, куда дойдут орланы. Это великие равнины, горы поднебесные, города и поселки, несчетный народ – и без рабов, без бритья голов, все ходят словно господа, высоко держа голову, рядятся не в собачьи шкуры. Их моельни – над землей, каждая с колокольной башней. Еды много, есть даже свинина, которую поминают в сказках.

«Я зерно Imperii, – вещало яйцо на пиджине, – я выросло в этой земле для тебя».

В эти слова Коби и верил, и не верил. Голова кружилась.

Был порыв пойти к преподобному, открыть все старику и попросить совета. Потом Коби отпустило – это может оказаться хуже, чем самому от кругляша избавиться. Пастырь пожурит, наложит епитимью, велит молчать о находке... да и заберет. Отними у него после. Будет сам один с чудом общаться, знаний набираться, а ты так и останешься безграмотным.

Решил оставить себе, у живота привязать тряпкой, а перед мытьем в одежде прятать. Как с яйцом беседовать – придумается; главное, выбрать место и время побыть одному.

Вот и началось его заветное учение.

По счастью, алиены не забрали Коби грузчиком и ишаком-носильщиком в поход, на очередную зачистку Ландана от лжеверующих паки. Брали двужилых, крепконогих, кому таскать не перетаскать, а молодняк оставили скорнякам в помощь – со шкурами возня вонючая и долгая.

В иной раз Коби и сам напросился бы. Нечестивый Ландан, говорят, велик ужасно, его грабят-грабят, а вещи в нем не кончаются. Там пропасть старых маклюшек и всякого карго – с большой добычи и скинхедам позволяют нагрести себе мешок, какой спина выдержит. Кроме кукол и картинок, тех сразу в огонь.

Но за время листопада он услышал столько о заморье, что его не соблазнило б даже взять себе девчонку из полона. Что она? Юбка в доме, у чалматых выросшая в неизвестной вере. Пока еще ее хурды-мурды поймешь, своей речи научишь. А в словах кругляша – целый мир.

– Из разведки пишут, – доложил Руслан, постоянно висевший на связи со службой мониторинга. – Только что гонец прибыл к градоначальнику с докладом. Экспедиционный корпус кентских алиенов завяз в Бромли, на правом берегу Темзы. То ли потрошат какие-то склады, то ли на зимовку окапываются. Им нужен спирт для машин... А что, Бромли годится как база. Метро нет, паки под землей не подкрадутся.

– Скоро снег ляжет. Чтобы прошел конвой с горючим, колея должна замерзнуть. – Матвей за соседним пультом сводил воедино суточный улов с зерен на пастбищах Вилда, между грядами меловых холмов. Заодно для экологов отслеживал численность и активность диких кроликов – угнетенные людьми и псами, ушастики здесь перешли на ночной образ жизни. Они выглядели в тепловом диапазоне словно пушистые комочки света.

А вот людской трафик по тропам и дорогам снизился в разы. Температура падала, зернам пора было в спячку.

– После забоя овец я их всех отключу. Никакого толку. Опять же, Самайн, день открытых дверей на том свете. Любой контакт – классика историй о призраках, – и, отъехав вместе с креслом, Матвей стал водить руками в воздухе, как будто рисовал картину. – Вечер, темнеет рано. Сгущается туман. Одинокий путник идет по обочине. Из придорожной канавы слышится потусторонний голос: «Джек, остановись и помолись! Я твоя сестричка Ди, которую отдали орланам десять лет назад! Теперь я живу в ином мире, в Воронеже. Меня здесь окрестили Таней, учусь в медицинской академии Луки Крымского, есть жених Сережа. Я по вам скучаю, иди ко мне». Тут Джек руки в ноги и драпала в резервацию. Ужас-ужас-ужас, упокойная сестра звала в могилу... Самайн, что вы хотите?

Руслан мыслил прозаичнее:

– По-моему, хороший ход для пропаганды. Поднять личные дела изъятых, сопоставить с базой данных на их семьи... да, и создать эти базы... затем ввести в программу поисковый алгоритм и – остается лишь устроить встречу Джека и волшебного боба. Даже двух-трехступенчато, через родню или знакомых Джека, с учетом их IQ и уровней годности.

– Штат две дюжины сотрудников, минимум полгода на сбор базы и маршрутизацию родни, сетевой посев в пределах Кента, это пять кило зародышей плюс рост рисков выявления сети и контрмеры алиенов.

– Зато охват и эффективность!.. Твое предложение надо включить в месячный рапорт. Главное, правильно оформить и подать тему начальству. Обязательно отметить, что у нас два удачных контакта...

– ...на двух научных офицеров с марта по октябрь. Ладно, Яшу твердо пишем в плюс. Но твой Лейс мне надежд не внушает от слова «отнюдь». Во-первых, аalien. И что он откопал зерно – еще не повод ликовать. Просто с уходом банд на Лондон в городе стало меньше лишних глаз и толчеи, уединиться проще. Это рабочий случай, повод отработать действия программы.

Руслан не уступал:

– В нем есть какой-то фактор... Что-то неучтенное. Может, кодеры упустили ряд малых этнических параметров. Во всяком случае, я с ним продолжу.

– Действуй. Писать в рапорт одного клиента – считай, сознаться в провале миссии. Да, лови картинку – Лейс под покровом тьмы крадется в резервацию.

– О... как ты его отловил?

– Ночным дроном, пока кроликов считал. Биометрия, одежда – полное совпадение. Зерно с ним?

– В гараже, в смотровой яме, кирпичом заложено. Говорю же, с этим не все ясно. Уже который раз...

– Руслан Альбертович, мысли проще. Кролик ходит по капусту. Традиция! Пойдем-ка ужинать, а дрон на автопилоте за ним последит.

Чтоб возмужать, городскому недорослю надо нарушить – хоть однажды – три запрета. Даже четыре. Стать сотрапезником неверных, выкурить табак, выпить автомобильное топливо и согрешить с неверной.

И потом чтоб не таился, а пришел открыто – пьян, накурен, осквернен. Книга строго воспрещает, но для смелости, типа, надо. Так повелось, неписанный закон. За это выпорют ремнем при всех, но дадут право носить пистолет.

Обычай казался Лейсу отвратительным до тошноты. От табачного смрада спирало горло, спиртовой дух шибал в нос и пугал, а уж последнее – впору повеситься, чем совершить. Трясло при одной мысли о грязных скинхедках из резервации – наряжены в тряпье и шкуры, самокрутками дымят, хохочут гнилозубо, топливным перегаром дышат.

«Неужто и мать была такой?.. Не верю, не могла она...»

Конечно, не все их девчонки похожи на гулей, что подстерегают ночью у дорог, заманивают красотой в кусты и там высасывают кровь. Есть и хорошенькие. Но такие не ходят на пьяные сборища, таятся и прячутся.

Из города он выбрался после ночного моления. Ни звезд, ни луны, темнотища, лишь на вышке орланов виднелись огни. До костей пробирал сырой ветер, даже сквозь куртку. Дорогу развезло после дождей, пришлось идти по полю. На полпути стало мерещиться – шуршит рядом в воздухе, где-то вверху, но поднять голову или посветить фонариком Лейс боялся. Вдруг там нечисть? Увидишь пасть с клыками, выпученные глазища...

Так, молясь шепотом, и добрел. Шуршание отстало и пропало.

В повети, где собирался молодежь неверных, жарко пылала железная печка на ножках, пахло жареными голубями с лучком и картохой, витал едкий дымок самосада. При входе Лейса никто и не подумал встать – если аlien тайком явился на рубон к скинхедам, где одни запреты, пусть подчиняется здешним обычаям.

– О, господин пришел!.. Раздвинься, братва, дайте ему место... Полголубя схарчишь? Он дозволенный, сбит из рогатки, задушен с молитвой...

На святотатственную шутку старшины ребята заржали, девки захихикали, а Лейсу оставалось криво улыбаться.

– Ну как, сегодня-то решишься? Глянь, нарочно тебе привели... Э, где там Трис затарилась? Выньте ее из угла.

На ту, которую после возни вытолкнули вперед, Лейс едва посмотрел. Взгляда мельком хватило увидеть – девчонку трясет, как его самого. Только он не подавал виду, так господам положено. Бросил ей обедок голубиной тушки. И ведь поймала.

– Во, одарил, все правильно сделал! Трис, ты понравилась. Садись к нему.

Пожалуй, да, почище прочих, но глядит затравленно. Надо было ей что-то сказать, а слов не находилось.

Лейс прикрыл веки, как бы наслаждаясь идущим от печки теплом. На самом деле он пытался забыть все вокруг, даже запахи, не замечать девчонку и вспомнить видения из говорящего яйца.

«Вы жалкое отребье, вы ничтожества, живете в свиной грязи и ничего, ну ни-че-го не знаете. И я такое же дерьмо, если опустился до вашей низости, если пришел к вам для мерзости. Но я видел. Я слышал. Есть другой мир, где все иначе. Только стена нас отделяет от него. Стена и огнеметы в круглых башенках».

Наверное, оно питалось тем, что грелось в руках. Шептало: «Положи меня в воду, я напьюсь. Дай мне коснуться земли». Из него вытягивались щупики и вращались в землю, потом оно сбрасывало старую шкурку. А дальше у него открылся глаз навряде рыбьего: «Смотри в меня». И там...

– Ну, Трис подходящая?

Вздвигнув, Лейс открыл глаза. Вонь, рванина и бритые головы. Бесстыдно косятся, заигрывают пьяные глаза, скользко блестят выпяченные губы.

– Может, я сгложусь? – спросила деваха постарше.

«Не глядеть. Не видеть, – рябило в уме. – Назад, в гараж, там ночью никого. Достать яйцо, согреть в ладонях, потереть и приложить к глазам. Пусть покажет Rossiya. Там все чистые, без срама. Или злой дух меня морочит?.. Но если в яйце – зло неверных и кресты, почему оно – чистота и красота?.. Я так свихнусь».

– Помню, тут парень был, Коби Мазила, – нашел он чем сменить тему. – Что-то его не заметно. Много дразнили?

– Не-е! – отмахнулась хмельная скинхедка. – Так, слегонца шутили. Вообще он меткий, хорошо добыл собачины... Сам от нас отбил. Да и заходил-то раз-другой. Чудной стал – бродит в одиночку, думает чего-то, щепкой на песке рисует, а то в заросли уйдет, и не докличешься... Короче, дурака кусок. Накатишь со мной кружечку напополам, а?

От ее слов Лейса пробрало не по-хорошему.

Щепкой на песке. Можно быстро ногой стереть буквы.

– Не сегодня. – Он поднялся, потянув за руку робкую Трис. Та упиралась, на аalien тащил настойчиво и под глумливые напутствия вывел из повети в ночной холод. Снаружи она принялась всхлипать, пряча лицо, и ахнула, когда Лейс дернул ее к себе.

– Иди домой, – тихо заговорил он сквозь зубы. – Больше сюда ни ногой. Никогда. Уважай себя. Поняла?

– Ага.

– Будешь умницей, я... дам тебе котенка. Когда кошка родит, и они подрастут.

Тогда Трис перестала сжиматься, оттаяла. Кошек любили все, и аliены, и скинхеды.

– Теперь ступай. Брысь!

Хотя на обратном пути нечисть-невидимка вновь шуршала в темном воздухе, сопровождая Лейса, он не обращал внимания.

«Ну, вот зачем я в резервацию ходил?.. Тьфу, словно в помоях извалялся!.. И как теперь пистолет получить?.. Пересилю себя, хлебну их пойла – в гараже из бака. Дымом и так весь пропах. Назову Трис. Все видели, что я увел ее. Пусть в городе верят. Что еще им остается? По закону, чтоб уличить в блуде, надо четыре надежных и благочестивых свидетеля – будут! Четыре распутные скинхедки... Судья и скажет – всех пороть!»

Но больше его волновал Коби, отказавшийся от вечеринок со спиртягой.

Казалось бы, самое то для рабов и неверных – бухать, дуреть, курить и кис-кис-мяу с кем попало. Натурально по-скотски. Скотина и та поразборчивей будет!

А этот отбил. Понюхал – и прочь.

В одиночку стал ходить, от других прятаться. И щепка...

Сам Лейс пользовался гвоздем.

Осталось незаметно проскользнуть в гараж, собравшись с духом хлебнуть топлива и, пока не выветрилось из одежды, нагло пойти к дому законоучителя.

Отрава крепко ударила в голову, ноги заплетались. У порога дома Лейса вырвало, тут его взяли в оборот. На допросе он во всем признался, хотя половину вины свалил на злого духа, всю дорогу шелестевшего над головой крыльями нетопыря.

– Окажите снисхождение, он сбил меня с пути!

Но учитель злился за облеваный порог и спуску не дал:

– Эй, сын греха, в твоих жилах кровь неверных – пьяниц и блудниц. Она звала тебя в притон бесчестья, окунула в свинство. Шесть ремней – славный урок для полукровка!

За такой намек на мать положена расплата, и Лейс, вырвавшись из рук охраны, с налета боднул законоучителя под дых, так что тот рухнул навзничь. Вдобавок оскорбил охранников – мол, оба они евнухи, раз не пошли биться с чалматами за веру. Итого дюжина ремней.

Отлежавшись, он ходил по стенке, а когда окреп маленько, командир стражи дал ему старый, но еще исправный «ЗИГ-Зауэр»:

– Люби его, теперь он твой друг и защита.

Тяжесть оружия в ладони радовала, но мысли Лейса были не в тире.

«Скорей бы в гараж. Как там оно без меня?»

Пока он валялся, выпал первый снег, стоял и выпал вновь, дороги вконец раскисли, и на оставшиеся в городе тачанки ладили грязевые шины с мощными грунтозацепами. С городских стен равнины Вилда смотрелись будто огромный маскировочный халат, раскинутый вдаль до холмов Норт-Даунса – пятнистый, белый с черным и бурым. Вон строгая крепость орланов на взгорье Голгофы, а вон в низине кривая, неровная загородь вокруг резервации. Над тростниковыми и камышовыми крышами – дымки очагов, кузни и винокурни...

– Пустите в полевой дозор, – попросил он командира. – Я хорошо вожу квадроцикл.

Тот, поразмыслив, кивнул:

– Хорошо, запишу тебя в график. С пистолетом не балуй, зря по неверным не пристреливай, а то опять ремня отведешь. Помни, магазин к твоему снарядить – два дирхама. Перчатки, боты, шлем, бинокль и прочее возьмешь в цейхгаузе.

Вот было зрелище, когда он, затянутый в кожу, с кобурой у пояса лихо подкатил к воротам резервации! Засуетились неверные, забежали – ой, ой, зачем дозорный недоросль явился? Не иначе как с приказом на работы. Или на расправу?.. Одно странно – почему у него в багажной сумке мяукает.

Бензином бы заправить квадроцикл, он больше жара дает и мощности. Можно так разворот отчудить на скорости, грязь на семь метров плеснет, всех скинхедов до ушей окатит. Да где взять этот бензин...

Тот молодняк, что прежде в повети пошучивал над ним, теперь клонил головы.

– Ты, Щербатый! – властным голосом позвал Лейс старшину, когда-то предлагавшего полтушки голубя, забитого не по закону. – Позови мне Трис, живо. Бегом!

На дневном свету девчонка оказалась даже миленькой. К Лейсу она подходила опасливо, не только согнув шею, но и отводя лицо. Должно быть, молва ходила – «Нежничала с алиеном», – и ее здесь нет-нет да шпыняли понапрасну.

– Ближе подойди.

В уме Лейс попытался представить ее с длинными пышными волосами, с прической, как у девушек в Rossii, каких показывало яйцо. И не в дрянной куртке, а в ярком платье. Даже с крестиком в ложбинке на груди, за который здесь бы голову снесли. Так даже красивей. Ну и пусть это сказка про пери, все равно здорово.

– Вот, – извлек он из сумки встрепанного, перепуганного котенка. – Обещал. Твой.

– О... – растерялась она. – Да, да! Как вас благодарить...

Он поманил ее:

– Ближе. Еще ближе. Это самец. Сама назовешь.

– Пусть будет – Лев.

Совпало случайно, но Лейса приятно кольнуло.

«Мое имя!»

– Я спрошу... – зашептал он, – но клянись не разболтать.

– I swear to God! – согревая котика под курткой на груди, поспешно выдохнула Трис на прежнем языке, каким вещали в их молельне. Лейс сделал вид, что не слышал запретного.

«Зато искренне».

– Где Коби Мазила? Где он сейчас?

– Он... ушел ставить силки для кроликов. После охоты на собак их стало много...

– Куда ушел? Рукой не показывай. Скажи.

– В сторону Голгофы, где под склоном заросли. Он... что-нибудь нарушил?

«Не больше, чем я».

– Все в порядке. Помалкивай. Ты khorosho, krasivo, – прибавил Лейс на языке яйца, сколько нашел из запомненных слов, и запустил мотор. Она еле успела недоуменно спросить: «А?.. Что-что?», а он уже рванул с места.

По отъезде алиена к Трис сбежались девчонки – всем хочется погладить котика. Заодно и выведать, о чем она шепталась с полевым дозорным.

– Он тебе свидание назначил, да?

– Уже хватит отмалчиваться! Скажи прямо – у вас было.

– Его мать моей тетке сеструха была, только веру сменила и в город ушла, за смельчака замуж. Такая вот несчастная любовь! Ее там затравили, потому что лысая и языка не знает, она и зачахла. А парня к своим тянет...

Звук мотора Коби слышал издали, но значения не придавал.

Дело обыкновенное – дозор по полям разъезжает, спирт впустую жжет. То ли следят, чтоб паки не подкрались, то ли опасаются соседей – не нагрянут ли, пока в городе мало смельчаков. Им виднее.

Кого алиены не боятся, так это скинхедов. Раньше, когда-то в старину, были отчаянные, воевали под крестовым флагом против черного, только их головы давно истлели на колах. Куда против господ без огнестрела?.. Были те, что пустились в Исход, по-библейски, искать земли без черноты, но и этих след простыл.

До поры Коби считал, что бежать некуда, кругом Наместье. Пока яйцо не открыло ему другую жизнь – сначала голосом, потом зрением. Это внушило надежду, словно дало в бурю кров, в голод – пищу. Даже просто повторяя, затверживая слова иной речи, меняя произношение под руководством голоса, он изменялся внутри, будто в размякшем теле рос новый костяк, крепче прежнего.

«Ищи достойного, – внушал голос. – Будь осторожен, но ищи. С ним ты разделишь меня, вы сможете говорить по-новому друг с другом, учиться речи и письму. Одиночество пройдет, придет единство, а единство и есть Rossiya, Imperiya. Чем нас больше, тем больше мы можем».

«Точно, – мысленно соглашался Коби. – Надо других вовлекать. Потихоньку. Чтоб было с кем говорить по-новому, писать друг другу. А то быть одному грамотным – все равно как зрячему среди слепых».

В том, что ему открылось, Коби смутно подозревал перст Божий. Очень оно походило на евангельское – если умолкнут люди, то камни возопиют. Значит, пришел им час заговорить. Кому еще, если все глухо молчат?

Туманилось. В приподнятых чувствах он шастал по зарослям, расставляя кроликам приглашения к столу, когда мотор зарокотал уже вблизи, и Коби насторожился, замер.

«Кого там нелегкая несет?»

Возник черный контур одноместной тачки с седоком; фигура в шлеме повела головой, вылезла из седла и направилась к нему.

Пока всадник снимал с головы свою кастрюлю, Коби привычно опустил глаза, но успел взглядом исподлобья – неверные это умеют – опознать гостя. Лейс, сродник скинхедам. Бывал

на посиделках для мужского посвящения, чтобы детство кровью смыть. Судя по стволу у пояса, парень таки пришел к успеху.

– Ты Коби Мазила? – спросил юный аalien скорее для порядка. Пусть не знакомились, но виделись и имена друг друга слышали.

– Да, господин.

Потянулось молчание. Достигнув цели, Лейс забыл, зачем явился. Вернее, в мыслях думалось одно, а на деле сложилось иначе. В повети, среди собак-неверных, он старался не выпячивать свое господство, но с пистолетом, при исполнении его роль стала другой, и она владела им.

Между голых колючих ветвей терна медленно тек холодный воздух, тяжелый от влаги. От пятен волглого водянисто-серого снега парило сыростью, проникавшей под одежду, ледящей как чье-то неживое дыхание.

– Я знаю... – начал Лейс и тотчас поправился: – Я точно знаю, что у тебя есть одна вещь...

Из оружия у Коби был только нож. Он дозволен – из-за собак и бродяг, если накинута. Было и мелкое преимущество – кобура Лейса застегнута, а нож достать куда быстрее.

– Небольшая вещь. В горсти спрячешь. Вроде желтой картошки.

До Лейса шагов пять. Одним махом с места не допрыгнуть. Значит, в два скачка. Собаки живучей людей, но и с ними справлялись. Потом бежать, биться в стену. Вдруг впустят?

– И эта вещь говорит.

– Не знаю ничего такого.

– Обыскать тебя? Или покажешь сам?

Пока Коби менял позу, готовясь, пока делал вид, что тянется к карману – а тянулся к ножу, – Лейс откинул застежку и выхватил ствол:

– Стой, не двигайся!

Еще миг – и Коби сник бы, распался духом и умом, как бусы без нитки, но чудом сдержался от паники. Яйцо не выдаст, не затем нашлось.

«Он не мог видеть находку. Значит...»

Овладев собой, Коби тихо, почти вкрадчиво спросил:

– Разве я угрожал господину? Судья в городе защитит меня... Готов идти к нему. Вам тоже есть что предъявить судье?..

Здесь дрогнул уже Лейс. Только судьи недоставало!.. Скинхед спецом разговорится, чтобы насолить ему, и чистеньким уйдет, запретов-то не нарушал. Подобрал чужое? Так ведь не из рук орланов.

«А ты, сын греха, недостойн оружия! В первой же езде угрожал смертью первому встречному. Кстати, откуда ты узнал о говорящем камне? Ну-ка, расскажи мне без утайки... Онемел? Так пусть твоя спина ответит».

Чем вновь быть поротым до беспамятства, лучше разрядить на два дирхама патронов в судью, законоучителя и кто рядом. Уж тогда за дело обезглавят, как большого.

Похоже, скинхед заметил его слабину. В глазах какое-то злорадство появилось.

«Я слишком далеко зашел. И Трис сказал, кого и где ищут. Вальну его – смолчит ли?.. Котенок и скинхед, есть разница. А этот вымогать из меня будет... Ему яйцо кресты показывало – ничего, дозволено, а мне – значит, я стал неверным, раз тотчас вдребезги не разнес. Кто я теперь? Куда мне?»

– Стой, где стоишь. – Лейс отступил, сняв левую руку с рукоятки, стал шарить за пазухой. Нагретое яйцо в ладони тикнуло, как часы.

– Эй, вы, в подворье, – позвал он, держа яйцо у рта. – Вы же слушаете, да?.. Я рядом, у ваших стен. Тут и Коби Мазила с резервации, он тоже с вами связан. Ну вот, если хотите, чтобы он остался цел, – идите сюда. Я хочу вас видеть. Когда ударит ваш колокол, я прострелю ему ногу. Не придете – и другую тоже. Слышите меня? Отвечайте!

Яйцо еле слышно запиликало и отозвалось другим, незнакомым – мужским голосом на грубом, но правильном пиджине:

– Слышим. Опустим оружие и жди. Мы скоро будем.

– Все не как у людей! Вместо праздников – порка, вместо воскресенья – казнь, вместо приглашения – шантаж... – бурчал Матвей, пристегивая оружейный блок на предплечье.

Руслан сварливо бросил:

– Черный толк! Террор у них в крови...

– Малый ротор на площадку, срочная готовность к вылету... Придется принимать меры! Налицо двое с намерением порвать друг другу глотки. Два кандидата на звание «имперский подданный». Теряюсь, кому вручить. Есть соображения?

– Первый уровень годности, пункт третий. По этому пункту один выпадает.

– Человеко-часы на его подготовку потрачены.

– Разве что запустить парня в программу санации, – задумчиво взглянул Руслан на потолок. – Но он и к ней не готов. За свой комфорт готов другого искалечить. То есть убить – без надлежащей медпомощи второй обречен.

– Посмотрим на месте. Все равно как-то решать придется. Служба периметра – пожалуйста, обеспечьте нам завесу в юго-западном квадранте на дистанции полтора километра, высота облака сто метров, видимость – двадцать. Через десять минут мы туда вылетаем. Спасибо. Нет, поддержка гарнизона не нужна.

При пуске рукотворного тумана влажность – друг маскировщика. Меньше расход химиката, слабей нагрузка на эмиттер поддержки аэрозоля. Ветер – полметра в секунду, выгоднее только штиль. В зыбкой пелене, окутавшей с юга крепость-подворье, малозумный роторет не виден и едва слышен. Застывшие друг напротив друга паренки заметили его, лишь когда потоки от винтов закуружили мокрую взвесь и погнали ее вниз колеблющимися столбами.

Лейсу вспомнился шорох в ночи над головой – тот был еще тише, а похож.

Рука его, уставшая держать пистолет на изготовку, опустилась. С орлами моря шутки плохи. Раз или два всего они стреляли с той поры, когда отстроилось подворье, но даже самым отчаянным из смельчаков хватило, чтоб понять – этих не задирай, себе дороже выйдет.

А тут прям целая машина опустилась – кабина пузырем, по сторонам винты в кожихах, с лопастями-зигзагами.

Вышли двое – в шинелях, фуражках. Один рослый и широкий, лицо рубленое, глаза и волосы светлые, другой тонкий и стройный, брюнет черноглазый, чуть раскосый. Людей вроде второго Лейс видал, они жили в Сасикисе.

– Здравствуй, мы пришли, – сильным, рокочущим голосом заговорил блондин на пиджине. – Брось оружие, оно не поможет. Что тебе нужно, Лейс?

Забыв про обомлевшего, стоящего столбом Коби, он уронил пистолет и двинулся к ним как во сне.

– Возьмите меня к себе.

– Исключено, – бесчувственно ответил брюнет.

– Возьмите, пожалуйста. Я знаю ваши слова, видел ваш мир. Здесь мне нельзя жить, я не могу.

– По оценке с воздуха... – Блондин прошелся твердыми, тяжелыми шагами, приминая талый снег и бурую палую листву, – в Наместье живут двенадцать миллионов человек. Живут!.. Тут, по-вашему, светоч, огражденный морем, – чем ты недоволен? Чем лучше других?

Пока этот похаживал, неподвижный брюнет пристально наблюдал за Лейсом, держа правую руку согнутой в локте. Под обшлагом виднелось нечто темно-серое со стержнями-выступами.

– Но вы же забираете детей неверных!..

– Они – лучше. Потому и забираем.

Очнувшись от столбняка, Коби подался к ним – молча, жадно вслушиваясь в голоса орланов, впервые для него звучащие на пиджине.

– Что сделать, чтоб вы меня взяли?

– Стать лучше, – ответил брюнет. – Речь, письмо, знание, правила жизни. Правила прежде всего.

Коби решился заговорить:

– Zdravstvuyte! Privet!

– О, вот хорошее начало. – Блондин приветливо улыбнулся ему. – Privet, Yasha!

– Я тоже так могу! – выступил Лейс вперед, чтоб Коби позади остался.

– Вот бы и начинал, как полагается. Так вот, – встал блондин перед ними, оставив линию огня между Лейсом и брюнетом с его штукой в рукаве, – оба вы получили подарок и воспользовались им. Похвально. Но вы из разных лагерей и вы уже сцепились. Поэтому мы заберем одного. Если захочет. Тихо! – остановил он жестом Коби, собравшегося что-то сказать. – Он в Наместье не вернется, все связи с прошлым будут навсегда оборваны. Другой мир, другие люди, другая жизнь. Все незнакомое и непривычное. Если «да» – пожалуйста, в машину. Туман скоро рассеется. Если «нет» – неволить не станем. Здесь тоже найдется что делать.

Коби закусил губу, склонив голову, как прежде перед господами. Зато Лейс молчать не стал:

– А я? Вы что, бросите меня тут одного с яйцом?.. Зачем тогда его подбросили? Зачем? Чтoб я в глазок подсматривал, как вы там... как вы в роскоши гуляете, а мы тут в грязи... Да пропадите вы пропадом! – размахнувшись, он швырнул яйцо под ноги блондину и бросился к оставленному пистолету. Не успел нагнуться, как оружейный блок Руслана шелкнул, и молния взрыла борозду в палой листве рядом с «ЗИГ-Зауэром». Запахло гарью, Лейс отшатнулся.

– Плохая идея, парень.

– Ты!.. Ты тюрок, да? Как в Сасикисе? Замолви за меня, брат!..

– Не брат ты мне, – ответил брюнет с холодком. – В империи твой черный толк запрещен. И все, кто в нем вырос. Из Наместья нас интересуют только годные и чистые, у кого мозг не зачумлен.

– За нас отомстят... – едва сдерживая слезы бессильной ярости, Лейс опустил на корточки, будто неверный перед алиенами, обхватил колени руками и уткнулся в них лицом. Ноющей болью отзывалась поротая спина, в голову буйной толпой лезли детские сказки о могучих смельчаках за морем. – Придут сауды и вырежут вас...

– Не придут. Кончился их век, – послышался голос блондина. – Но ты не расстраивайся. Мечта, что можно перебраться из грязи в роскошь и зажить богато, – глупая. Так живут лишь за чужой счет; это уже сгубило вас однажды. А у нас так: хочешь империю – построй ее там, где ты есть. Займись, вдруг у тебя получится. Мы поможем.

– Да?..

– Подбери зерно, оно твое. Пригодится еще.

Медленно, волоча ноги, пошел Лейс за яйцом, косясь на брюнета. Тот опустил правую руку вдоль тела и смотрел мягче.

– Только это дело трудное, – продолжал блондин. – Очень опасное. На годы. Можно отказаться.

Лейс выпрямился; яйцо, казалось, пульсировало в его сжатой ладони, будто радовалось, что вернулось к другу.

– Попробую...

– Я остаюсь, – выпалил Коби.

– Что так? – У блондина брови вскинулись. – Почему?

– Потому что не слабей его. И вообще... Империя там, где орланы ступили, верно? Значит, она уже здесь? А подворье – оно вроде зерна.

Пареньки переглянулись с недоверием, гадая, чего ожидать друг от друга. Каждый знал о втором только то, что и он владеет талисманом из-за моря, учащим иной, лучшей жизни. А вот сойтись, поговорить на равных – до этого момента им и в голову не приходило. Теперь стало иначе. Поневоле придется быть ближе и как-то приходиться к согласию.

Так, молча, и держась отстраненно, они покинули терновник, но вместе на одном квадроцикле – Лейс жестом позвал Коби в седло, с трудом пересилив свое убеждение в том, что господин едет, а скинхед идет.

Ехали недолго.

– Слезай. Здесь нас могут увидеть в бинокль.

– Спасибо, что подвез.

– Да ладно. Там, у себя, присмотри за Трис.

– Мы теперь заговорщики оба. Смертники. Что-то жутко.

– А с чего ты отказался? Ну, по правде?..

Прежде чем ответить, Коби крепко подумал.

– Они, эти двое, настоящие. В глазке – как сон, но все это взаправду есть. Вот прямо за стеной уже империя, представь. А если стену построили, то и передвинуть ее можно – дальше, на весь Кент.

– Кинат.

– Нет уж, Кент!

– А по-русски?

Собрав в уме понятие о новом языке с его особенным произношением, Коби старательно выговорил:

– Kentskaya oblast.

– Ничего, красиво так, годится. А почему я – «черный толк», яйцо не говорило?

От религиозных вопросов Коби предпочел уйти в сторону:

– Тебе имя уже дали?

– А как же! Я – Lev.

– Yakov, будем знакомы.

Пожимать руки неверным не принято, но Лейс и тут преодолел себя, прибавив:

– Надо найти место, чтоб встречаться без опаски.

– Верно. Тебе сказали, что зерна могут множиться?

– Ка-ак?..

– Без вражды, в безопасности и с тем, кому веришь, если держать зерно вместе.

– Надо проверить. – Про себя Лейс наметил – с кем.

Как повествуют базы данных, с них и началась история Кентской автономной области (первоначально Кентское наместничество), и хотя могилы мучеников Якова и Льва в Архангельском соборе Кентербери – условные, почитание их – прежде всего там.

Офицеры научно-практической миссии «Посев» Щербаков и Акчурин, взявшие Льва с Яковым в работу, известны гораздо меньше. Кроме энциклопедий, найти их фамилии можно в отчетах отдела экспансии при Министерстве заморских владений Российской империи.

Олег Дивов

Занимательная дипломатия

Помню, как сейчас: я стоял на краю летного поля, а экипаж Чернецкого бодро прошагал мимо к своему конвертоплану, и командир воздушного судна смотрел куда-то вперед и вдаль, не замечая никого, зато второй пилот Шурик Гилевич издал мне подмигнул.

Они все были очень красивые и деловые в темно-синей форме гражданской авиации, такие шикарные ребята, ну просто герои, прямо хоть лети с ними вместе спасать мир, но вот нутром понимаешь, что им – можно, а тебе нельзя.

На планете карантин, полеты запрещены. И если эти бедовые парни решили-таки подняться в небо по своим неотложным героическим делам, ты-то не дергайся.

Следом за экипажем прошли геологи, которым тоже летать нельзя, но в своих защитных робах они смотрелись рядом с авиаторами как багаж и глядели чистым багажом, равнодушными глазами, демонстрируя всем видом, что если КВС Чернецкий задумал грузить балласт, ему лучше знать. У них крепко спетая банда типа «сам погибай, товарища выручай» – а ты жуи травинку и не вмешивайся. Зря, что ли, тебе подмигнул Шурик, он попусту не подает сигналов.

Травинку я жевал и глазел по сторонам не ради безделья, а согласно этикету: стояли мы на краю поля с великим вождем Унгусманом по прозвищу Тунгус, имея вполне дружескую, однако утомительную беседу на актуальные темы внутренней политики. Смотреть на вождя династии Ун, покуда он вещает, не положено. Но опустить очи долу не позволял уже мой личный статус. Приходилось, наострив уши, озираться туда-сюда, то на далекую глинобитную стену местной столицы, где мудро и жестко правил Тунгус, то на домики нашей базы, где свирепствовал начальник экспедиции полковник Газин. В обоих случаях зрелище не радовало.

Я слишком хорошо знал, что творится там внутри.

А на орбите звездолет, только нас не заберет.

Очень не вовремя я вспомнил, что хочу домой и не могу улететь. Моя третья полугодичная вахта здесь подошла к концу, но так и не завершилась. Мои профессиональные навыки больше не имеют значения, я никому не могу помочь, ничего не могу сделать, от меня никакого толку. Временами так устаю, что готов сдохнуть, но даже на это не имею права...

И тут летчики изобразили свой, извините за выражение, демарш. Пока я пытался его осмыслить, Тунгус как-то весь подобрался, двухметровая антрацитовая громадина, и сделал короткий едва заметный жест от живота, будто оттолкнул Чернецкого и компанию тыльной стороной ладони. У нас это значит «шли бы вы отсюда», а у местных – наоборот, универсальный знак сопричастности и пожелание скорейшего исполнения задуманного.

Чернецкий вдруг коротко оглянулся через плечо и кивнул Тунгусу.

Грешным делом я испытал вместе с недоумением известное облегчение. Вождь меня совершенно измучил, приятно было отвлечься.

Не знаю, объяснит ли это мое замешательство, но великий вождь Унгусман действительно великий, у нас теперь таких не делают. Он до того великий, что ходит повсюду один и с голыми руками, может себе позволить. Видит насквозь все живое, а оно его слушается. Даже лютые степные псы, которые чисто из вредности не поддаются одомашниванию, завидев Тунгуса, радостно виляют хвостами совсем как земные собаки... И когда этот ослепительно-черный и оглушительно харизматичный дядька начинает на тебя давить, а ты жуешь травинку и делаешь одухотворенное лицо, – ей-богу, даже война обрадуется.

Обычно вождь меня не плющит своим величием, держит за равного. Я ведь из «первой высадки» и с тех пор здесь, считайте, прописался. Тунгус зовет вашего покорного слугу другом.

И сегодня чисто по-дружески так наступил на горло, что я счастлив был отдышаться хоть самую малость.

А Тунгус сказал, провожая летчиков взглядом:

– Хорошие парни, доброе задумали, почему вожди запрещают им?..

И сам же ответил, пока я искал слова:

– Вожди боятся потерять силу управления. Понимаю. Сам такой. Иногда проще все запретить, чем устранять последствия. Особенно в трудные времена. Но если находятся герои...

Я не успевал переводить слово в слово; к счастью, речь любого туземца по умолчанию «пишется», потом расшифруем, да и общий посыл ясен. Тунгус пытался донести до меня очевидную, как ему казалось, мысль, что правильный вождь умеет отличать правильных героев. И даже когда всем запрещено все подчистую, надо оставлять лазейки для хороших парней: вдруг они своим самоуправством выручат племя, не казнить же их потом.

Второй смысловой слой я тоже выловил: Тунгус деликатно намекнул, что очень уважает полковника Газина, и вообще русские молодцы ребята, но стоило бы нам наплевать на отдельные запреты, а то как бы не стало еще хуже. Сдохнем же.

У местных есть аналог нашему понятию «интуиция». Летчики, на взгляд Тунгуса, сейчас повиновались инстинкту и потому имели шанс на выигрыш; а контрольная башня, с которой начали орать невнятное, – она как стояла на месте, так и обречена стоять. Ну и заткнулась бы. Сошла бы за умную.

– Вот семеро смелых! – провозгласил вождь. – Запомни их, друг мой. Наверное, их потом накажут. Но такие, как они, проложили твоему народу дорогу к звездам!

Тунгуса так разобрало, что он даже руку положил мне на плечо, а другую эпически простер Чернецкому вослед.

Я ничего не понимал, кроме того, что вождь, в отличие от меня, все понимает.

Честно говоря, я не мог в тот момент нормально исполнять служебные обязанности, поскольку боролся с приступом паники.

Вождь пришел по вопросу, как я уже говорил, внутренней политики: он настоятельно рекомендовал мне сделать ребенка его младшей дочери, прекрасной Унгури. Тунгус знал, я буду против; а я вдруг почувствовал, что очень даже «за» – помирать, так с музыкой. Тут-то мне и стало дурно, впервые по-настоящему дурно за последние безумные полгода, когда сначала убился Сорочкин, а потом на глазах развалилось все, и прахом шли былые достижения, и смерть косила местных, и вчера погиб наш спецназ... Мы в поисках выхода метались так и сяк, плевали на дисциплину, нарушали карантин, это было в порядке вещей, и я не чувствовал страха. Теперь – когда понял, что летит к черту моя профессиональная этика, – испугался. Значит, край настал. То ли сдают нервишки, то ли я чувую, как близко гибель, и мечтаю хоть под занавес немного побыть нормальным человеком.

А великий вождь Унгусман, папуас этакий, не боится ничего, он считает, что у нас временные трудности и русские с ними совладают.

Мы уже сами в себе разуверились, а туземец – верит в нас.

Спасибо ему, конечно.

А семеро смелых, растуды их туды, полезли в конвертоплан.

У нас в санчасти на сегодня пятеро, двое с подтвержденным иммунитетом, но вирус «пробил» его. В городе около двух тысяч больных, и тысячу уже похоронили. Атипичная ветрянка валит местных без разбора со смертностью под сорок процентов у детей и семьдесят у взрослых. Мы кое-как сбиваем эти показатели до десяти и тридцати. Наша полевая лаборатория превратилась в фармацевтический заводик и пыхтит, как самогонный аппарат. Вся экспедиция, кроме спецназа и транспортников, вспомнила навыки парамедиков и бега по

столице, пользуя страдальцев жаропонижающим и окормляя здоровый еще народ иммуномодуляторами.

Сотня русских на двадцать тысяч местных, как вам такой расклад. Переболевших туземцев мы обучаем, даем им экспресс-аптечки, это здорово помогает. Но легче на душе не становится.

Народ счастлив, что русские с ним возьтятся, и дохнет, улыбаясь. Русские пока вроде не дохнут, зато болеют трудно, заливаясь слезами и матерясь. Когда подскакивает температура и у человека ослабевают контроль, становится видно, как тяжело мы переносим стыд и позор.

Вирус земной ветрянки боится солнца, живет на открытом воздухе десять минут, шансы заболеть повторно близки к нулю. А эта сволочь – такая устойчивая и злая, будто ее нарочно выпестовал безумный ученый, подправив слабые места. Почему она мутировала и набрала силу, отдельная тема для разговоров шепотом. Лично я об этом даже не думаю. Была идея, я ее оформил, послал куда надо и забыл. Как советует доктор Шалыгин – не умножайте сущностей, а то с ума сойдете, тогда придется вас поймать и вылечить; вы же этого не хотите, правда?

Мы заперты тут полгода, а кажется – полжизни. Помогаем местным по собственной инициативе. В первые дни эпидемии метрополия не успела принять никакого «решения по туземцам», и мы буквально навязали Москве свой выбор, о чем не подозревает даже полковник Газин. Он-то уверен, будто дома ему аплодировали. Считается естественным, что в какую бы задницу ни угодил русский человек, то поступит по совести, ибо русская идея есть идея справедливости для любой божьей твари. Мы в ответе за тех, кого приручили, и так далее. Чисто для протокола Газин собрал личный состав, поставил вопрос на голосование – и все сделали шаг вперед. А Москва долго чесала в затылке, требуя отчет за отчетом, прежде чем сообразила, что чем бы экспедиция ни тешилась, лишь бы не вешалась, и одобрила наши действия.

Тем более одно самоубийство за нами уже числилось.

Полковник много чего сказал об этом прискорбном инциденте. А мы стояли и губы кусали от бешенства. А некоторые глупо хихикали на нервной почве. До нас четыре месяца ходу на сверхсвете, с нами можно только по дальней связи переругиваться, зато какой каннибализм сейчас в Управлении Внеземных Операций, где полезли друг на друга медицина, психология, безопасники, а еще начальство мертвеца... Поглядим, кто уцелел, когда вернемся домой.

Если вернемся.

Тунгусу знакомо понятие «мор»; он полагает, что заразу принес торговый караван с запада – как минимум он так говорит, а что думает, бог весть. Вождь закрыл столицу наглухо, но за пару дней до того случилась плановая рассылка гонцов с новостями и ценными указаниями. Вернуть успели меньше половины курьеров, остальные ушли далеко, а следом поскакали «вестники мора» – короче, черт знает, сколько племен они совместными усилиями заразили. Разведка гоняет высотные дроны над континентом, мониторя ситуацию, и ничего не рассказывает: полковник запретил. Он не доверяет Тунгусу и все пробует догадаться, где этот хитрый папуас учуял выгоду в таком безнадежном деле, как эпидемия, готовая перейти в пандемию, и какой подлянки от него ждать.

Кочевые племена уже пару раз подъезжали к нам с идеей совместно ограбить столицу. Гордые черные морды степняков были украшены довольно точными копиями наших респираторов. Здесь быстро соображают и быстро учатся. Красивый, умный и благородный народ. А мы, с их точки зрения, милашки и симпатяги. Что наводит на размышления. Звать местных «братьями по разуму» не повернется язык. Судя по тому, насколько совпадают наши представления об эстетике, у нас общие предки.

Когда нас осчастливили вторым деловым визитом, из города внезапно явился Тунгус. Великий вождь династии Ун тепло приветствовал милых родичей – кочевые вожди его кузены или вроде того – и обещал: едва мор в столице пойдет на спад и великий будет чуток посво-

боднее, то пригласит всех в гости и сделает такое заманчивое предложение, что те не смогут отказаться. Еще он от души пожелал кочевникам доброго здоровья. Типа, оно им понадобится.

Несостоявшиеся грабители погрузились и убралась восвояси. Попутно они стянули у нас с помойки бочку из-под краски, дырявую крышку от вездехода и полевой системный интегратор, который мы безуспешно искали всей базой второй месяц. Когда его уволокли на пять километров, интегратор включил самоподрыв и громко бахнул. Загорелась степь, Чернецкий и подъемный кран несколько часов мотались туда-сюда, заливая пожар. Тунгус долго хохотал и сказал, что он нас обожает. Полковник рвал и метал.

Со стороны это было, наверное, забавно, а нам как раз таких приключений не хватало для полного счастья, экспедиция и без того валилась с ног. Москва подбадривала советами по дальней связи и клялась: вакцина уже в пути. Доктор Шалыгин построил модель вируса и отослал ее на Землю в первые же дни эпидемии. Вся загвоздка была в том, что наладить на месте производство вакцины без «живых» образцов и набора материалов мы не могли. Оставалось держаться извечным нашим манером, коим славны русские, – «стоять и умирать». Трудиться и ждать.

Дождались мы третьего дня: на орбите нарисовался тяжелый звездолет МЧС «Михаил Кутузов». И настало бы нам облегчение, но мы спускаемый аппарат с вакциной, как бы сказать помягче, не поймали.

То есть мы старались, но куда нам с ним справиться.

Связисты говорят, когда полковник обсуждал этот умопомрачительный казус с командиром «Кутузова», было полное ощущение, что Газин вот-вот выскочит на улицу, откроет стрельбу из пистолета вверх, дострелит до орбиты и продырявит звездолет, чисто со злости.

Он так на него орал: «Падла ты одноглазая!» – что слышала вся база.

А командир ответил: простите, ребята, сбой системы ориентации, виноват, но помочь ничем не могу, вы на карантине, у меня приказ.

Ага, закричал Газин, пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов, вот твой приказ, да?! Ну и лети отсюда, железяка хренова, без тебя справимся!..

Не справились. Потеряли десять человек. Это был такой удар, что экспедицию будто пыльным мешком по голове стукнуло, всю и сразу.

И сейчас я твержу себе: поверь вождю, он не ошибается, у Чернецкого сработала интуиция. Разве трудно поверить?

Трудно.

...И эти семеро смелых, растуды их туды, сели в конвертоплан, и сразу врубилась движки, а я стоял, жевал травинку и наблюдал. Чернецкий не выглядел сумасшедшим или дезертиром, он смахивал на человека, затеявшего авантюру, за которую по головке не погладят. Но раз Чернецкий рискует, значит, он видит какой-то вариант. Все КВС так обучены, чтобы в безвыходном положении использовать любые ресурсы. Они дерутся чем попало и до последнего вздоха. В точности как командиры звездолетов, кораблей, субмарин, в общем, нормальные русские офицеры.

От контрольной башни бежали люди, на взлетке тоже началось суматошное движение, но делать что-то было уже поздно. Ну разве схватить конвертоплан за хвост манипулятором подъемного крана. Хорошая, кстати, идея. Поймать, да и черт с ним, как мудро заметил великий вождь Унгусман. А то развелось героев. Имперское мышление, видите ли: наш паровоз вперед летит, а кто не спрятался, тот не пьет шампанского.

Одного я не мог угадать: зачем Чернецкому геологи с пустыми руками, без рюкзаков и инструмента. Лишних три центнера и более никакого смысла... И тут в голове мелькнуло: развесовка. Геологи имитируют полную штатную загрузку машины. Похоже, нас ждет воздушная акробатика.

На душе стало как-то пусто и холодно. Я все понял.

Тунгус отпустил мое плечо и вполне по-человечески сложил руки на груди. Вид у него был самый что ни на есть довольный. Вождь наслаждался подготовкой к несанкционированному подвигу, за который ему не придется никого дубасить по голове.

Конвертоплан дал тягу. Маленькая забавно сплюснутая машинка с плоским брюхом и прямоугольным крылом, прочно стоящая на крепком шасси, окуталась пыльным облаком, и вдруг из него раздался такой адский рев, будто там разбудили дракона неким вполне непечальным способом.

В лицо плеснуло горячим воздухом. Я отшатнулся и кого-то толкнул. Это оказался командир сводного авиаотряда капитан Петровичев. Одной рукой он держался за фуражку, а другой совершал жесты, не обещавшие Чернецкому ничего хорошего. Он еще и кричал, но я не умею читать по губам такие авиационные термины.

В одном я был с капитаном согласен: мне тоже с перепугу казалось, что Чернецкий много на себя берет.

Тунгус покосился на капитана с плохо скрываемым сарказмом. Петровичев был, по его понятиям, вроде кандидата в младшие вожди или жреца невысокого ранга – великий вождь любит, когда таким ребятам худо. Говорит, только через страдание можно научиться управлению. Большой мудрец великий вождь Унгусман, но лучше бы его сейчас тут не было. Не надо ему видеть, как русские грызутся между собой...

Конвертоплан прыгнул вверх.

Он вознесся в небо с такой прытью, которой я за ним не подозревал, хотя много лет имел дело с этими машинами, любил их и даже худо-бедно умел пилотировать. По моему скромному разумению, бортмеханик сорвал ограничители. Это был не форсаж, а аварийный режим, способный прикончить движки, но дать машине фору в безнадежной ситуации. На такой бешеной тяге полетит даже кирпич, и полетит быстрее пули.

Конвертоплан пер строго вертикально.

И вдруг резко лег набок. Левое крыло вверх, правое вниз.

Петровичев уронил фуражку.

А конвертоплан показал цирковой фокус. Он продолжал по инерции набирать высоту боком. Два-три размаха крыла, как мне показалось. Потом его завалило, он совершил кульбит – у меня внутри все перевернулось вместе с маленьким самолетиком, – но тут Чернецкий ловко «поймал машину» тягой и грохнул ее на шасси почти туда же, откуда взлетел.

Грохнул – мягко сказано. Звон раздался колокольный, и бабах нешуточный, полетели во все стороны детали подвески, брызнуло фонтаном из амортизаторов, пара шин разорвалась в клочки, не выдержав такого варварства, но планер явно уцелел, движки не отвалились; в общем и целом бедная машинка показала себя молодцом.

Великий вождь Унгусман одобрительно крикнул.

Капитан Петровичев сделал вид, что туземца, цинично нарушившего карантин, вовсе нет на подведомственной ему территории. Он подобрал фуражку и не спеша двинулся к конвертоплану. Я выплюнул травинку, давая понять вождю, что готов к ответной речи, но получил все тот же подталкивающий жест – иди давай, – и ноги сами понесли меня вперед. На ходу я соображал, как бы высказаться, если вдруг спросят о текущем моменте. Кроме «Что это было?!» ничего в голову не лезло.

Все-таки в моей работе слишком много притворства. Я же знаю, что это было. Теперь это понял каждый. Чернецкий придумал, как спасти положение.

Если повезет, конечно.

На днях, просматривая свои отчеты по туземцам, заметил: все чаще там попадаются оброты вроде «удивительно, но», «тем не менее» и «как бы ни показалось странным». Кажется,

я побаиваюсь, что меня сочтут предвзятым и некритичным. Это типично здешний синдром, через него прошли многие, кто с местными работал и поневоле в них влюбился. Начинаешь заслоняться от чувства, что они лучше нас. Химически чистая версия человека, лишенная всего наносного, всего дерьма, которым мы забили себе головы.

Ну да, у них тут в общем тепличные условия. Умеренный прирост населения, порядок с кормовой базой, никаких катаклизмов, а если доходит до боевых действий, это скорее игра в войнушку. Здесь не любят умирать. Здесь жизнь сама по себе в радость.

Они чертовски рациональны – и поэтому счастливы.

Счастливее нас, потому что лучше нас.

Честно говоря, мы не знаем, что с ними делать.

На уровне отдельно взятого русского вопросов нет – здорово, братишки. А вот на уровне государства с его далекоидущими планами и интересами все не так однозначно. Планета под кодом «Земля-2», идеальная для заселения, готовый форпост на пути к центру Галактики – сами прикиньте, какие на нее были замыслы, – и вдруг по ней ползают несколько миллионов людей, подозрительно смахивающих на людей. Да еще и с зачатками централизованной власти.

И сразу начинается вся эта чушь: нельзя лишать народ его истории; давайте вспомним индейцев и чукчей; а что скажет мировое сообщество; а не лучше ли нам уйти. Хорошо, ума хватило сообразить, что уйти никогда не поздно – к нам тоже прилетали всякие, пока мы были совсем маленькие, и ничего ужасного не произошло. Ладно, высадились. Знакомимся. Ведем себя предельно осторожно. Водку с местными не пьанствуем, от незамужних девчонок шархаемся, от замужних тем более.

Туземцы глядят на нас как на полных идиотов. Чувствуют, что у нас внутри идет мучительная борьба, но не понимают ее смысла. Так мы сами не понимаем! Нет у Москвы окончательного решения. Есть старый имперский шаблон, который никогда не применялся к инопланетному доминиону, и никто не знает, будет ли эта схема работать, и вообще имеем ли мы право, и так далее, и тому подобное. На нас еще ООН давит, чтобы мы не мытьем так катаньем уговорили Тунгуса провозгласить независимое государство.

А вождю независимость даром не нужна, он сразу понял, чем это пахнет. Его запрут на родной планете, всего из себя незалежного. Скажут, давай, развивайся, лет через тысячу поговорим, а сейчас ты под культурными санкциями для твоего же блага... Нет и еще раз нет. Тунгус хочет выбить для своего народа те же права, что у землян, и прямо сейчас. Это часть коварного стратегического плана, из которого он вовсе не делает секрета. Профессия великого вождя Унгусмана, если кто еще не догадался – специалист по дружественному поглощению. Он потомственный император-администратор и умеет поглощать так, что ты пикнуть не успеешь. Династия Ун уже внедрялась в более продвинутую культуру, и ничего зазорного Тунгус в этом не видит.

Сейчас хитрец нацелился на Землю.

Когда Тунгусу подвернулись русские и он в первом приближении разгадал их менталитет, вождя осенило: да ведь на нашем горбу можно выехать к звездам! Тут очень вовремя приперлась делегация ООН. Тунгус ее принял, выслушал, расстроился – и закатил дипломатам лекцию о неуместности двойных стандартов и лицемерия в международной политике. Сказал, идите отсюда, человечки, вы даже врать нормально не умеете... После чего заинтересовался русскими уже вполне прицельно. Уяснил, что землянам палец в рот не клади, и фиг кто ему позволит за одно поколение шагнуть из античности в открытый космос, – а с российским паспортом это прокатит само собой. А уж на каких условиях Россия примет его под свою руку – наша головная боль; вождь готов торговаться и ждет предложений. А мы чего-то мнемся и рефлекслируем.

И тут – бац! – эпидемия.

Трудно описать, насколько она нас сплотила. У местных редкий дар пронизательности и сопереживания. Они видят, как искренне мы стараемся помочь, остро чувствуют нашу горе. Одна беда: поскольку русские тяжело болеют, но все-таки не умирают, теперь все здешние женщины яростно хотят от нас детей. Мужчины как минимум не против. Наши уже в таком состоянии полного опупения, что сами не против – вон, даже меня пробрало. Но это ведь не простая ветрянка, а вирус-мутант неясного происхождения, злобный до ужаса, с которым еще разбираться и разбираться. Наплодим уродов – потом хоть вешайся.

Так или иначе, от местных мы ничего плохого не ждем, а вот родной звездолет на орбите нас нервирует.

«Кутузов» здесь транзитом, должен был сделать один виток, сбросить контейнер и лететь дальше. А сейчас он пошел на двадцатый оборот, и это никому не нравится – мало ли чего у командира в сейфе лежит. Допустим, приказ на прижигание местности в целях нераспространения эпидемии. Дезинфицировать сразу весь континент со всем контингентом. И годков через сто, когда атмосфера восстановится и травка снова зазеленеет, поставить тут форпост, как было с самого начала задумано. Только без проблем с туземцами ввиду их отсутствия. Десантируем сто тысяч узбеков и миллион сельскохозяйственных роботов – плодитесь и размножайтесь, твари божьи. Есть и такой запасной вариант, я-то знаю.

У них там всегда есть запасной вариант.

У нас тут – нет.

...К машине неслись люди – кажется, проснулся и высыпал на поле целиком отдыхающий состав экспедиции, – и все остановились в нескольких шагах.

Потому что Чернецкий и Гилевич глядели на нашу суматоху, широко улыбаясь. И борт-механик Попцов скалил зубы. Неизвестно, как там геологи, но живые, это точно.

Правая щека у Чернецкого была ободрана – прислонился к чему-то.

Капитан Петровичев проложил себе путь сквозь толпу взглядом. Чернецкий распахнул дверь и легко выпрыгнул из машины. Он не обязан был вставать перед капитаном навытяжку, но «руки по швам» сделал и набрал в грудь воздуха, приготовившись докладывать.

Петровичев его упредил. Он выставил перед собой ладонь, давая понять, что слушать не намерен.

– КВС Чернецкий, благоволите нынче же подать рапорт о бессрочном отстранении вас от полетов по собственному желанию. Честь имею... Что?!

Он успел козырнуть Чернецкому и повернуться кругом, а вот это «Что?!» – оно уже было адресовано мне.

– Что?.. – растерянно повторил я, чувствуя, как сотня глаз впивается в меня.

– Ну вы же со-вет-ник! – процедил капитан. – И очень хотите дать мне со-вет! Вас прямо распирает! А?!

– Вы уже приняли решение... – сказал я, невольно опуская очи долу.

Петровичев фыркнул и зашагал к башне.

Не любит меня капитан. Очень крепко не любит.

Вбил себе в голову, будто я был дружен с покойным Лешей Сорочкиным.

А я со всеми стараюсь держаться ровно. Обязан по инструкции. Даже когда задушить своими руками хочется. Это я про Сорочкина, да. Только кто мне поверит.

– Все с поля! – рявкнул Петровичев на ходу, не оборачиваясь. – Все лишние – с поля! Не-медленно! О-бес-пе-чить!

– Так, господа-товарищи, вы слышали! – закричал дежурный лейтенант. – Попрошу вас!..

Публика, стараясь особо не спешить, чтобы никто не подумал, будто мы кого-то тут боимся, начала расходиться. Под машину полезли механики. Чернецкий уселся обратно в свое кресло. Гилевич что-то говорил командиру, тот неопределенно пожимал плечами.

Из заднего люка выгружались геологи, имея вид, как обычно, загадочный и слегка пренебрежительный. Люди отважной профессии, что с них взять. Один из них сообщил мне:

– Если вашему начальству интересно мнение специалиста, лично я – за напалм. А не выгорит – и черт с ним. Еще семерых покойников экспедиция просто не выдержит. Если вы понимаете, о чем я.

И ушел, не интересуясь, понимаю я или нет.

Появился доктор Шалыгин, плечистый, бритоголовый и необъяснимо уютный человек, – и сразу все расслабились, задышали свободнее. Давно замечено: рядом с нашим главврачом даже полковник становится временно похож на человека. Доктор осмотрел Чернецкого, мазнул каким-то препаратом по его ссадине, одобрительно хлопнул лгетчика по плечу и повернулся ко мне:

– Ну хотя бы вы в порядке. На вождя поглядывайте, ладно? Какой-то он задумчивый. Увидите, что потеет, – зовите меня сразу.

– Дочка на него давит, вот и задумчивый, – ляпнул я в сердцах.

И тут же выругал себя за проявленную слабость. А с другой стороны, кому жаловаться, как не главврачу экспедиции. Иногда очень надо просто пожаловаться. Я ведь не каменный и чертовски соскучился по обычному человеческому разговору с соотечественниками. Увы, со мной мало кто готов откровенничать и в принципе нормально общаться. Парадокс: я на дежурствах во дворце вождя отдыхаю душой, а в нашем лагере – устаю.

– Ах, дочка... Младшая? Сочувствую, – протянул доктор. – Редкостный соблазн. Замечательная девушка. Хорошо бы ее в Москву вывезти, подучить немного, чего она тут пропадает... А может, Тунгус к вам в родичи метит, а, советник? Или у вас не тот уровень?

Я счел за лучшее многозначительно промолчать.

На самом деле, насколько я знаю вождя, ему симпатичен Чернецкий. Просто нравится. Тунгус прямо весь просветлел, когда тот отправился геройствовать: не ошибся, значит, в человеке. Но в зятя Чернецкий уровнем не вышел. Он способен думать, как вождь, однако вождем никогда не станет. Это трудно объяснить, надо просто принять. Не важно, что у тебя хватит сил свернуть горы; важно, что ты завоевал право на поступок и ни с кем не будешь делить ответственность. А то дадут тебе по шее и скажут: не балуйся, мальчик. И не пустят горы сворачивать. Если смотреть объективно, даже у полковника уровень не тот...

Я подошел к двери конвертоплана и понял, отчего у командира пострадало лицо: сорвался с потолка какой-то прибор.

– Ничего-ничего, – сказал Чернецкий. – Все нормально. Она просто чудо. Моя прелесть.

– Любите вы ее.

– Ха. Когда выпустился из училища, дал зарок: ни в жизнь не сяду на такую каракатицу. И тут же по закону подлости... Ну, взял себя в руки – и буквально часов через двадцать налета что-то почувствовал. А потом в серию пошла вот эта машинка. И мы с ней нашли друг друга, как говорится. А дальше... Извините за пафос, она подняла меня выше неба – к звездам. Мы с ней теперь астронавты. Вот, осваиваем космический пилотаж, хе-хе...

– Сильно грохнулись?

– К вечеру будет как новая, – донеслось из глубины салона.

– Там в пещере все равно темно, – сказал Чернецкий в ответ на мой немой вопрос. – А уронить машину боком в трещину я сумею при минимальной подсветке. Алик поможет, у него такая люстра... Верно, Алька?

Я оглянулся. Рядом стоял Акопов, командир подъемного крана.

– Алька-то поможет, – буркнул тот. – Свечку поддержать дело нехитрое. А кто поможет Альке, когда с него спустят шкуру?

– Да ладно тебе, – сказал Чернецкий.

Видно было, что ему лень разглагольствовать и кого-то в чем-то убеждать. Нечего рефлексировать, надо расхлебывать кашу, которую мы тут заварили.

Акопов переминался с пятки на носок. Он тоже КВС, тоже мастер своего дела, но подъемный кран – это большущий вертолет, и его манипулятор выдвигается только на двадцать пять метров.

А у нас узкая трещина, и под ней глубокая пещера.

А в пещере, будто в сказке, сундук. В сундуке утка, в утке яйцо, в яйце игла и на конце иглы смерть Кощеева. Расскажешь – не поверят.

Скользнуть в трещину боком конвертоплану раз плюнуть.

Сможет ли он выскочить обратно, вот вопрос.

Теоретический ответ мы уже имеем. Но, к сожалению, время героев-одиночек прошло. Один человек способен все угробить – и мы знаем, как это бывает, даже имя человека известно. А чтобы разгрести дерьмо, нужны согласованные усилия многих героев. Помимо технической поддержки, Чернецкому надо хотя бы двух-трех стрелков, готовых стоять насмерть, отвлекая противника на себя. И код от люка спускаемого аппарата.

Дело за малым: кто возьмет на себя ответственность. Кто способен поставить на карту не жизнь, но честь ради призрачного шанса на выигрыш. Для этого мало иметь голову вождя, думать, как вождь. Надо быть вождем.

Вся надежда на то, что империя в нашем лице не отступает и не сдаётся. Не бросает ни своих, ни чужих. Мы так воспитаны. Говоря совсем по чести, империя как государственная система может думать много чего. Неспроста на орбите болтается «Кутузов», который, если чихнет, нас сдует вместе с вирусом. У империи полно всяких «планов Б», запасных вариантов и так далее.

Но конкретно мы, рядовые граждане империи на ее переднем крае – упремся рогом. И эту нашу способность империя тоже имеет в виду. Здесь, далеко от дома, под чужим солнцем, решается вопрос поинтереснее жизни и смерти: мы вообще русские или кто.

Как нарочно, туземцы за последние годы видали разных землян – и всех нерусских послали. Это политика дальнего прицела, трезвый холодный расчет, никто не спорит. «Разделять и властвовать» можно не только сверху; Тунгус показал, как это делается снизу, крепко взяв Россию за жабры. Но в основе такого решения, насколько я знаю вождя и его детей-советников, искренность: нам они верят, а другим нет. Между прочим, если здешняя братия кому не верит, это повод крепко задуматься.

Вот же мы вляпались...

– Не понимаю, что ты будешь делать, когда вылетишь из пещеры, – сказал Акопов. – Тебе не хватит высоты, чтобы выровнять машину. Я вижу только один вариант: положить ее на спину. Или я чего-то не знаю?

– А я, наверное, не вылечу, – спокойно ответил Чернецкий. – То есть я попробую, но вряд ли получится.

И улыбнулся.

Спускаемый аппарат для атмосферных планет – надежная и простая капсула. Ты бросай ее аккуратно, и все будет хорошо.

Поскольку у нас все было плохо, и ждали мы капсулу, без преувеличения, как манну небесную, вполне логично, что именно нам ее бросили неаккуратно. Вроде ничего страшного, промах на полтора-два километра, только снесло аппарат в зону разломов, где скалы и трещины. Чернецкий и Акопов устремились на перехват. Петровичев приказал не делать глупостей, но все догадывались: если Акопов успеет – он именно это и сделает. Капсула уверенно целилась туда, где рельеф самый трудный, дырка на дырке.

Скорость подъемного крана на форсаже – триста; Петровичев орал, чтобы командир прекратил убивать машину; Акопов раскочегарил ее до трехсот тридцати, все отрицал и советовал контрольной башне протереть глаза, потому что подъемные краны так быстро не летают... На высоте в километр спускаемый аппарат раскрыл парашюты, и его вдобавок начало сносить ветром. Чернецкий нарезал вокруг капсулы петли и докладывал обстановку таким казенным голосом, что стало ясно: прилетели.

Геологи посмотрели на карту: имеем каньон глубиной метров двести, стены полого сужаются, подъемный кран не сможет туда опуститься. Пусть спецназ грузится в вертолет и берет столько троса, сколько у него есть. Внизу множество пещер, но слава богу, спускаемый аппарат не круглый, никуда не закатится... Больше доложить нечего, мы эту зону исследовали поверхностно, там известняк, он нам даром не сдался.

Капсула совершила мягкую посадку на краю обрыва, постояла немного как бы в задумчивости, а потом рухнула в каньон.

Полежала там на дне – и покатилась.

Подъемный кран опоздал буквально на пару минут. Когда Акопова спросили, какую именно глупость он задумывал, тот ответил: я бы поймал капсулу манипулятором за парашют, еще в воздухе... Петровичев трижды перекрестился.

Тем временем спускаемый аппарат медленно, рывками, катился в ту сторону, где разлом становился уже, и неведомо куда уходила глубокая подземная расщелина.

Чернецкий летал туда-сюда над каньоном, пытаясь разглядеть, что за чертовщина там творится.

Я прыгнул в вездеход и помчался к городу.

Часом позже я вернулся со старым опытным следопытом. Разведка потеряла в каньоне два дрона, начальник экспедиции сидел, держась за голову. Подземелье населяли существа наподобие термитов, общественные насекомые, только размером с большую кошку, и орда этих тварей, облепив трехтонную железяку, радостно толкала ее куда-то в свои закрома.

На наших биологов было просто больно смотреть.

Следопыт объяснил, что сейчас время неудачное: сезон, когда термитники делятся, образуются новые гнезда, и под это дело насекомые тащат туда все, что им кажется полезным. Рабочие особи не представляют большой опасности, но все происходит под надзором и прикрытием солдат, а у тех жвалы такие, что руку перекусят на раз, и еще эти гады умеют прыгать. Убить термита-солдата очень трудно, разве только оглушить.

Полковник заметил, что как они прыгают, мы уже в курсе, у нас два дрона загрызли. И спросил, когда следопыт имел дело с термитами. Тот сказал: мы туда вообще не ходим, но вот мой прапрапрадедушка по распоряжению тогдашнего великого вождя изучил повадки термитов. Они питаются в основном грибами, у них в пещерах целые грибные сады. Пока твари жрать не просят, они нас не волнуют.

Пра... дедушка спускался вниз и ходил по пещерам?

Ну да, конечно, ответил следопыт.

И как он это делал?

Он был великий охотник. Он делал вот так, – следопыт показал руками, – и твари замирали. Ненадолго, но хватало времени, чтобы проскочить мимо. Не знаю, как у него получалось, я-то не великий охотник, но совершенно точно он делал вот так. Попробуйте, это должно помочь.

Спасибо большое, сказал полковник. Мы непременно сделаем вот так, только с шокowymi гранатами.

Я как мог описал следопыту действие светозумовой гранаты.

Не надо, сказал тот. Сотрясение привлечет только больше солдат. Лучше жечь их огнем, если у вас есть пламенное оружие, но учтите, они решат, что это стихийное бедствие и надо

спасать все ценное. Солдаты продолжают драться, а рабочие укатят вашу штуку в пещеры, где вы ее просто не найдете...

Подумал и добавил: кстати, жареные они очень вкусные.

А ты-то откуда знаешь?

Ну так прапрапрапрадедушка...

Достаточно, попросил Газин. Советник, на будущее увольте меня от сказок про дедушек.

Не хотел бы, чтобы у вас сложилось превратное мнение о полковнике. Он первый сказал, что проблема решается инсектицидом, и в теории мы даже смогли бы его сделать. Нам просто катастрофически не хватало времени. Капсула приближалась к расщелине, ведущей в черт знает какие катакомбы. На дне каньона у спецназа есть хотя бы свобода маневра. Чтобы достать контейнер с вакциной, хватит трех-четырёх минут. И резко наверх, вертолет нас вытащит. В конце концов, там всего лишь тараканы, пускай здоровые и с зубами...

Следопыт догадался, что ему не поверили, и слегка обалдел. Всю обратную дорогу я объяснял ему, как у нас устроена передача опыта из поколения в поколение, и почему никто на Земле не сможет доказать, что его прапрапрапрадедушка «делал вот так», если не предьявит картинку или письменный источник.

О том, что источник хорошо бы с печатью и на официальном бланке, я деликатно умолчал. И без того местные жалеют землян за нашу очевидную бестолковость. А тут уважаемый человек может решить, будто мы совсем убогие.

Я сам был такой убитый всем этим, что когда попался на глаза Унгури, она взяла меня за руку и долго не хотела отпускать. Пришел Унгусман, оценил, как девушка на меня смотрит и как я под ее взглядом набираюсь жизненных сил. И вдруг говорит: знаешь, есть люди, у которых голова вождя. Они правильно думают, правильно все оценивают, умеют смотреть в будущее... Но этого мало, чтобы стать вождем. Чтобы стать вождем, надо быть вождем!

По счастью, я уже научился интуитивно ловить тонкие нюансы языка. Программу-транслятор от такой мудроты просто заклинило.

Объясни, о великий, попросил я.

Да он сам не понимает, сказала Унгури и рассмеялась.

У вашего покорного слуги чуть сердце не выпрыгнуло. Перешучиваться с вождем может кто угодно, но насмеяться над ним – дело сугубо родственное. Либо меня приняли в семью, а я и не заметил, либо в династии Ун намечаются подвижки, и великий Унгусман уже ограниченно великий, а я, лопух, опять-таки, прошляпил.

Вождь напустил на себя загадочный вид и ушел.

Нет, ограниченно великим он не выглядел даже со спины.

Пообещай, что не полезешь в каньон, вдруг попросила Унгури. Понимаю, надо идти, но пусть это сделают воины, а ты не думай даже.

Я честно ответил, что таскать барахло из муравейника не мое дело.

Она обрадовалась и меня поцеловала – научилась по земным фильмам, наблюдательная барышня, – сказав, чтобы я лишнего не думал, что ей просто интересно, как это у русских делается и какие ощущения. Мы немного еще потренировались, и я поспешил обратно в лагерь, уже не такой убитый, зато несколько озадаченный.

Ребятам из спецназа жить оставалось меньше часа.

Тремя часами позже капсула прекратит движение. Мы локализуем ее на дне огромной пещеры. Там найдется узкая трещина в потолке и относительно ровная площадка близко к центру.

Вертолетчики скажут, что им, к сожалению, в трещину – никак.

На обсуждение встанут два варианта: либо взорвать потолок, либо залить пещеру напалмом. Первый будет признан ошибочным (термиты откопают капсулу раньше нас), второй сомнительным (вдруг и правда укатят ее в боковые туннели, которых внизу тьма).

Чернецкого вообще никто ни о чем не спросит.

...Подкатил вездеход, с брони съехал на заднице полковник Газин, невысокий, крепкий, поперек себя квадратный. Быстро кивнул Акопову, меня как бы не заметил, отмахнулся от дежурного лейтенанта и бросил Чернецкому – тот уже стоял возле машины навьютяжку:

– Я видел. Не надо доклада. Потом накажу за самоуправство, а сейчас давайте главное: получилось?..

– До потолка пещеры допрыгнем легко, боком в трещину войдем. Может, удастся высунуть крыло наружу, но не факт.

– То есть вылететь целиком не получится...

– А вылетать не надо. Сверху над трещиной встанет подъемный кран и схватит меня за крыло манипулятором. И вытянет.

Акопов издал сдавленный звук.

– Сможете? – полковник обернулся к нему.

– Сердечный приступ я смогу, – сообщил Акопов и сунул руку под куртку. – Прямо сейчас.

– Не разрешаю. По завершении операции – пожалуйста. Хоть инфаркт.

– Злодей ты, Саша, – сказал Акопов, потирая грудь. – Предупреждать же надо.

– Я как раз собирался все тебе объяснить, просто не успел, – Чернецкий развел руками и посмотрел на меня: мол, вот свидетель.

– У меня же струя!.. Я зависну – тебя сдует к чертовой бабушке.

– Тебе не надо висеть над трещиной, ты встанешь на края. Только немного раскрути винт.

Опусти манипулятор на десять метров, и я тебе свое крылышко прямо в клешню суну.

Акопов со страдальческим видом уставился вверх.

– Законцовка крыла отвалится.

– Ты ближе к мотогондоле хватай, – посоветовал Чернецкий. – Даже если перекосит, это не имеет значения, главное, у меня боковая проекция – совсем плоская. Хватай и тащи, я отлично пролезу. Это все займет минуту. Положишь меня рядом с трещиной, мы перейдем к тебе на борт и поедем домой за заслуженным наказанием.

– А если застрянешь?

– Тогда Шурик с контейнером вылезет на крыло, ты опустишь трап и заберешь его, – терпеливо объяснил Чернецкий. – Меня сбросишь, а дальше по обстановке. Если я смогу, то попробую еще раз. Если машина не сдюжит – будем из пещеры выходить пешком в сторону каньона, там нас военные подберут вертолетом.

Акопов глядел на Чернецкого, тот делал невинное лицо. Все отлично понимали, что это значит: «выходить в сторону каньона». Вчера отделение спецназа там сгнуло с концами, даже мокрого места не нашли.

– Ну, я смотрю, у вас все продумано, – сказал полковник. – Сколько моих бойцов возьмете?

– Четверых. Ровно четыре центнера, ни грамма больше. Садимся, ваши прикрывают, Гилевич достает контейнер, взлетаем... Надеюсь, ясно, что никаких гарантий.

– Еще бы. А вам-то ясно, что я не могу дать санкцию на такую авантюру? Она технически невыполнима, и я обязан ее запретить. Поэтому – только добровольцы. Все пишут заявления, что добровольно решили принять участие без ведома начальства. И ваши, и мои. И экипаж подъемного крана тоже!

– Естественно, – слабым голосом согласился Акопов. – Вот я их сейчас обрадую...

– Думаете, меня развлекает вся эта хренотень? – взвился полковник. – Воодушевляет, ага?!

– Извините, – сказал Чернецкий. – Может, по нам не видно, но мы в шоке после вчерашнего. Очень жалко парней. Мы глубоко скорбим.

– Угу, – подтвердил Акопов.

Полковник обвел летчиков пронзительным взглядом и кивнул. Отстегнул от пояса фляжку, сделал несколько жадных глотков, плеснул воды на ладонь и протер глаза. Стало заметно, что он совершенно вымотан и держится на одних нервах.

– Слушайте, Акопов. Я понимаю, вы ничего не боитесь, вам просто сама идея не нравится. Но у меня нет для вас других идей. Мы в полной заднице. Мы не можем перестрелять этих тварей. Не можем залить хренов муравейник напалмом. Вообще ничего хорошего сделать не можем...

– А геологи – за напалм! – ввернул Акопов.

Чернецкий сделал предупреждающий жест, а полковник – судорожный вдох. Акопов на всякий случай попятился.

Я уже почти набрался смелости вступить в беседу, чтобы не допустить кровопролития, но тут у меня в левом ухе звякнул сигнал с поста дальней связи. Я дал подтверждение и весь последующий разговор слушал одним правым.

– Геологи – эксперты в своей области, – процедил Газин. – Мне очень жаль, дорогой Акопов, но напалм не решает проблему. Эта пещера вроде склада ценностей, там помимо нашей капсулы много каких-то странных предметов. И пока одни твари будут гореть, другие растащат все имущество по туннелям и спустят еще глубже. Единственный шанс – внезапная атака. Свалиться на голову, изъять контейнер и быстро отступить. КВС Чернецкий придумал, как это сделать. И ему нужен подъемный кран. Обеспечьте ему подъемный кран, очень вас прошу!

– Он обеспечит, – заверил Чернецкий. – Он меня не бросит.

Акопов вздохнул и потупился.

– Код от спускаемого, – вспомнил Чернецкий.

– Ах ты, блин... Как же вы его украдете, это тоже невыполнимо технически...

– Давайте Шурик у вас планшет свистнет. Але, Шурик!..

– Может, он еще и пистолет у меня свистнет?! Отставить. Все равно вы планшет не взломаете. А вот в спецназе ловкие ребята... Поставлю им задачу, пусть соображают. Уфф... Мама, роди меня обратно... И еще эта падла одноглазая висит, на нервы действует... – вдруг нажаловался полковник, глядя в небо и кривя лицо.

– «Кутузов» никак не объясняет, почему он... Если не секретно, конечно.

– Да ничего не секретно. Сказали задержаться, он и болтается тут, железяка хренова. У него пункт назначения Глизе пять восемь один, везет туда госпиталь, детский сад и родильный дом. Сомневаюсь, что ему с таким деликатным грузом позволят нас эвакуировать. Хотя это «тяжелый» МЧС, трюмы большие, капсул для гибернации не меньше тысячи... Но лучше бы простой грузовик. А от этого красавца черт знает, чего ждать...

– Боимся спасательного корабля. – Чернецкий криво усмехнулся. – Докатились. Надо попросить у доктора таблеток от паранойи. Да-да, я тоже опасаюсь, не вы один.

– Такие у нас спасательные корабли! У нас все такое! И сами мы в общем не подарки... Спускаемый аппарат весом в три тонны пролюбить на ровном месте – это что?! Это как?! Это я не вас спрашиваю! Это я вообще! Но считаю, всем должно быть стыдно! Всем!

Чернецкий закусил губу, Акопов еще глубже засунул руки в карманы.

– Когда будете готовы? – деловито спросил полковник.

– Момент... – Чернецкий заглянул в салон конвертоплана, там ему что-то сказали. – Полная готовность – три часа.

– С вашего позволения, я пойду тренироваться, – слабым голосом сообщил Акопов. – Э-э... Начальник, будьте добры, скажите Петровичеву, что я немного полетаю тут.

– Капитан не против, я гарантирую это.

- Добровольно? – спросил Акопов вкрадчиво.
- В смысле?..
- Ну, капитан – добровольно не против?.. Он тоже напишет заявление?
- Обязательно напишет, – сказал я.

Все уставились на меня. До этого момента они, похоже, в упор не видели, что рядом торчит дипломатический советник.

Конечно, я умею становиться незаметным, работа такая. Но если честно, им просто было на советника наплевать глубочайшим образом.

Герои, что с них взять.

Все-таки переборщили мы, запугивая наших партнеров и заклятых друзей тяжелыми звездолетами МЧС. Сделали кораблям такую шикарную рекламу, что у самих поджилки трясутся.

А с другой стороны, должна быть у великой державы сообразная по размеру дубина. Если держава совсем добродушная, вот, к примеру, как наша – дубина народной войны. Мирный русский трактор.

Тяжелый звездолет МЧС это такая вещь в себе. С выдающимися конструктивными особенностями. Специалисты подозревают, что она может крепко вломить. У России нет военного флота в чистом виде – а у кого он есть? – но, черт побери, раньше мы не давали спасательным кораблям имена полководцев. А как пошла со стапелей «тяжелая» серия – опаньки, то «Жуков», то «Суворов»... Имена с намеком. На борьбу с метеоритной опасностью, например. Чтобы не мелочиться, сразу в размере астероида. Бац – и нету. В крошево.

В нашем положении как раз «Кутузова» не хватало, чтобы внутри экспедиции начали плодиться конспирологические теории.

Понятное дело, это страхи наши, мы полгода на взводе, нас транквилизаторы не берут. Не будет никакого прижигания – сейчас, по крайней мере, – а просто еще месяцев через пять-шесть другой звездолет скинет новый контейнер. И оставшиеся в живых начнут вакцинировать оставшихся в живых. Но местная цивилизация окажется подкошена напрочь, едва ли не безнадежно. И разругаемся мы с ней вдребезги. Ну геноцид же в натуре. Любому идиоту ясно: пришельцы освобождают планету для себя.

К счастью, Тунгус легко может представить, как его внуки заседают у нас в Сенате – я тоже могу, да так и будет, – а идея геноцида вождю недоступна. Весь опыт предков Тунгуса – это опыт завоевания ради умножения, а не вычитания. Тунгус сам кочевого рода, его пращурь ходили сюда, на границу степи, чтобы торговать с земледельцами. Потом кто-то умный сказал: надо дать оседлым по шее и возглавить. Объединим два племени, тогда нас уже никто не тронет, а мы – кого захотим, того и пригласим в долю, пристроим к общему делу... Так началась династия Ун, так сложилась ее идеология: плавно и по возможности без боя расширять сферу влияния. Так мотивировать роды и племена, чтобы те осознали себя частью большого единого народа и поняли свою выгоду. И соседям пусть расскажут.

Типичная имперская модель. Поэтому Тунгус не верит, что русские способны истребить его людей. Он нас видит насквозь – и видит своих. Мы реально одной крови.

Тунгуса мало трогает то, что мы светлокотые милашки с открытыми мягкими лицами, а наши улыбки точь-в-точь копируют умильные мордочки здешних кошек – неспроста черные девчонки так и рвутся обнять и погладить русского парня. Этой лирикой вождя не проймешь. Ему близки российские понятия совести и чести. Он тоже за справедливость для всех.

Пока мы изучали его народ и его землю, он изучал нас. Мы засыпали столицу и окрестности «жучками», а вождь прислал к нам младших сыновей и дочерей. Они преподавали нам язык и манеры, а сами – наблюдали. И рассказывали отцу. То, что вождь, с его открытой неприязнью к дипломатам, называет меня другом – заслуга моей юной наставницы Унгури. Ходить в гости к начальнику экспедиции Тунгус начал с подачи молодого вождя пограничной стражи

Унгасана, который, если верить полковнику, вынул из него душу и едва не раскрутил на военную тайну. Унгелен, парень с солнечной улыбкой, о котором разведка говорила, что если вы с этим юношей поздоровались, то уже сказали лишнего, встречал во дворце земные делегации – и рубил контакты один за другим. Вот не нравились они ему. А нас по сей день обвиняют, что мы задурили туземцам головы... Местные неплохо рассорили нас с остальным миром. Не исключено, что вполне осознанно. Чтобы мы уже не могли отыграть назад.

Ну, испортить репутацию России невозможно, она и так в принципе отсутствует с тех пор, как мы переформатировались в империю. Когда я объяснил Тунгусу, что русских скорее побаиваются, чем уважают, а в целом просто не любят, и ему надо это учитывать, вождь равнодушно сказал: чего тут учитывать, сам такой. Поглядел на меня сверху вниз и добавил: то, что вы зовете «внешней политикой», вообще глупость. У нас тут не бывает внешней политики, только внешняя торговля. И еще долг, смысл которого – собирать народы воедино, ибо вместе мы сможем больше.

И никакой, заметьте, болтовни об исторической миссии династии Ун. Никакой мании величия. Тунгус и так великий, по должности, куда ему еще маньячить.

По-настоящему вождь нас заужал, когда мы не сбежали от эпидемии. До того момента он еще подумывал о России в категориях стратегических, как о сильном игроке, под которого надо так хитро лечь, чтобы осталось непонятно, кто кого поимел.

А тут он просто убедился, что мы не дерьмо.

Кстати, наших летчиков вождь знает и отличает еще с первой высадки. Чернецкий предлагал его прокатить на конвертоплане, пока полковник не видит, а Тунгус говорит: «Лет двадцать назад я бы с радостью, а теперь не могу себе позволить. У меня народ, за который я отвечаю. Вот ты упадешь – и что тогда?..»

Покойный Леша Сорочкин вспоминал, что сломал половину головы и подвесил транслятор, пытаясь разгадать, в чем подвох и чего он не понял, – настолько по-земному прозвучала эта фраза.

Лингвиста Сорочкина великий вождь тоже хорошо знал...

– А-а, это вы, Русаков... – сказал полковник. – Не заметил.

И даже руку мне пожал, счастье-то какое.

– Вас здесь не стояло, – на всякий случай уточнил он.

– Еще как стояло. Я передал экипажам одобрение и пожелание удачи от великого вождя Унгусмана.

– Вот же хитрый папуас! Нет, он прекрасный дядька, я ничего такого... но сволочь редкая.

– Это мы оставим за скобками, с вашего позволения. Что же касается любезного капитана... да и всех присутствующих. Кажется очевидным, что в случае провала нашей затеи...

– Нашей?! – полковник сделал большие глаза.

– Представьте себе, да. В случае провала она будет объявлена безответственной выходкой сводного летного отряда. В случае же успеха мы имеем план операции, дерзкий и решительный, оформленный вашим штабом во всех подробностях, доведенный своевременно... и так далее. И мое скромное «Ознакомлен» на этом плане тоже будет.

– Ваш-то какой интерес лезть в наши игры... гражданин Русаков?

Я чувствовал, как летчики буравят мою спину недобрыми глазами. Чернецкий явно призадумался, не напрасно ли держал меня за человека.

– Медальку захотелось в случае успеха? – Полковник невесело хохотнул. – А если я вас за собой потяну, когда меня военная прокуратура возьмет за жабры?.. Нет, правда, объяснитесь, будьте добры, пока мы сами чего лишнего не придумали.

– Мне сейчас по дальней связи поступила инструкция, которая частично предназначена вам, – произнес я со всей возможной мягкостью. – Могу передать на словах, но будет лучше, если вы ознакомитесь с частью, вас касающейся, на посту ДС. Как я понимаю, Управление не хочет оставлять следов и поэтому действует через мое ведомство.

Полковник выразительно глянул на летчиков. Акопов кивнул и ушел, Чернецкий залез в конвертоплан и захлопнул дверцу.

– Ну что там? Решились наконец? Приказано драпать? А вы, значит, против? – спросил полковник недоверчиво.

– Приказано выжить. Каким образом, я вам доложил – путем реализации плана Чернецкого на наш страх и риск. Мне передали код от люка спускаемого аппарата, и я могу поступить с ним на свое усмотрение, не поставив вас в известность. Сообщить его летчикам, например.

Полковник обдумывал эту новость целую секунду, прежде чем прийти к очевидному выводу.

– Настуча-али, – протянул он. – Я так и знал.

– Смею вас заверить, до сегодняшнего дня у меня не было повода делать это. Мои донесения никогда в общем и целом не расходились с вашими. Но если Чернецкий нашел выход из положения, отчего бы не сообщить?

Полковник размышлял еще секунды три.

– А для меня – что передали?

– Загадочную кодовую фразу: «Дима, мальчик, если хочешь, чтобы было как надо, делай сам».

Газин хмыкнул. И молчал целых пять секунд.

– А вот если бы я не... Тогда бы вы что?.. – не очень внятно, но понятно спросил он.

– Ну... Вот это самое. На свой страх и риск. Пришлось бы побегать по лагерю, стараясь не попасться вам на глаза. Летчики, спецназ, Петровичев... Труднее всего с капитаном, он меня недолюбливает, но по такому случаю мог бы и смиростивиться...

– У Петровичева был роман с одной местной. Она умерла. А вы дружили с Сорочкиным, вот он и...

– Я не дружил с Сорочкиным. А у Унгури был любимый брат, Унгелен. Мы вместе его выхаживали, потом я сидел рядом, когда девочка его оплакивала. Дальше рассказывать?

– Эх, Гена... Золотой был парень... – полковник вздохнул. – Ладно, к черту лирику. А в случае провала? Как думали выкручиваться?

– А вам не все равно?

– Ничего себе! Вы диверсию планировали у меня под носом, советник! Заговор и бунт!

– Я буду все отрицать. Между прочим, оцените, как быстро Москва ответила.

– Это как раз элементарно, – заявил полковник сварливо. – Вы забыли, что там сегодня выходной. Какие теги на вашей стучалке?

Ишь ты, теги ему назови. Перебьешься. У нас все равно номенклатура не совпадает. И вообще, я же не спрашиваю, что значит это ваше «мальчик».

– Я не прошу конкретики, – полковник ухмыльнулся, поняв мое молчание. – Срочность какая? Типа «мало не покажется»?

– Типа «жду немедленной реакции, иначе пожалеем».

– Ну и слава богу. Значит, донесение нельзя было отложить до понедельника. Оперативный дежурный МИДа пульнул его в Управление, а наш оперативный – в кризисный штаб. По случаю воскресенья штабом рулит дедушка-адмирал, старый, как яйцо динозавра, зато такой же крутой. Смысл информации он усвоил за минуту, еще минуту пил чай и глядел в потолок, еще через минуту у него было решение. Основное время он потратил на то, чтобы отыскать вашего шефа и с ним договориться по-хорошему. Начальник у вас, похоже, правильный мужик.

Это радует. А вот стучать на моих людей, не предупредив меня, – это не по-нашему. Не по-товарищески... гражданин Русаков.

– Я поддался импульсу. Великий вождь Унгусман считает, что Чернецкий послушал свою интуицию, и всем советуется поступать так же...

– Да отстаньте вы со своим папуасом! – рявкнул полковник.

Со стороны города донесся приглушенный гул. На самом деле он потихоньку нарастал уже давно, мы просто не обращали внимания, а сейчас в столице зашумело не на шутку.

– Что за хрень... Минуту, я сейчас.

Полковник склонил голову, прислушиваясь.

– Дай картинку. Так, вижу... Ничего себе! Эй, идите сюда, вам тоже надо на это посмотреть.

Он достал из сапога планшет, встряхнул его и сунул мне в руки.

– Этнографы говорят, засекали что-то новенькое. Похоже на ритуал передачи власти. К чему бы, а? Что затеял ваш приятель?

На планшет шла прямая трансляция с «жучков» из дворца. Как они там не глохнут от своих бубнов, а главное, как у них дворец не развалился до сих пор от таких басов, свихнуться можно... Кошки, наверное, разбегаются каждый раз. Заодно и мышки разбегаются, конкретный же инфразвук.

– Это не передача власти, – сказал я. – Это церемония возведения Унгасана в достоинство боевого вождя. Он был начальником пограничной стражи, а теперь его, считайте, повысили до министра обороны.

– Кстати, Гасан очень славный юноша, – заметил полковник. – Внятный. Понимает службу.

Еще бы. Гасан ходил за полковником хвостиком, и вопросы по организации службы войск так и сыпались из него, а самого Гасана пасла наша разведка, подозревая, что парень замышляет налет на базу как минимум.

– Это все каким-то образом затрагивает экспедицию? Мне начинать беспокоиться?

– В принципе да... – тут я заметил в группе жен и дочерей красотку Унгури, перевел фокус камеры на нее и залюбовался, дурак дураком.

Я на двадцать лет старше, но еще очень даже ничего. И холостой. И если жив останусь, выпрошу себе работу попроще, без длительных командировок. Или с командировкой сюда. У меня есть мечта идиота – одомашнить степных псов. Сдается мне, ими просто никто всерьез не занимался.

Мне по-прежнему очень хочется домой, но когда я смотрю на Унгури, ностальгия слабеет с каждой секундой.

– В принципе да? – Полковник сунул нос в планшет. – А-а... Стесняюсь спросить – что вы чувствуете, советник, втыкая шприц в ее несовершеннолетнюю попку?

– Да вы пошляк, оказывается, полковник.

– Ну извините. Воображение у меня такое... живое.

– Плакать хочется, вот что я чувствую. А еще жалею, что Сорочкин самоубился, а не я его грохнул.

– Это вы не одиноки, мягко говоря!.. Ну так что же там в принципе? Давайте, не тяните.

– Боевого вождя не назначали лет двадцать. Собственно, последним действующим боевым вождем был сам Унгусман...

– Это знаю, – перебил меня полковник. – А чего я не знаю?

Я на миг задумался, пытаюсь сформулировать мысль почетче.

– Тогда не было ни войны, ни кризиса, никакого вообще повода для назначения Унгусмана боевым вождем. Просто его отец почувствовал себя плохо и решил подстраховаться.

Наличие боевого вождя сильно упрощает процедуру передачи власти. Все делается буквально за час. Тоже очень шумно, зато быстро.

– Полностью легитимный преемник?

– Еще круче. Боевой вождь даже не заместитель, а лицо, облеченное правами и обязанностями великого вождя. Папаша тогда сразу наплевал на дела и с чистой совестью лег помирать. Унгусман впрягся в руководство по полной, тут отец неожиданно выздоровел и еще три года с наслаждением бил баклуши, а над Унгусманом хохотала вся родня. Отец устал объяснять сыну, что это было не нарочно. Пару дополнительных братьев успел ему сделать...

– Понятненько... – полковник затеребил мочку уха. – Доктор! Отвлечитесь на минуту.

Кто у вас сейчас во дворце, пусть при первой же возможности подберется к Тунгусу и посмотрит, как он себя чувствует... Да, есть такое мнение. Спасибо... Ну-с, а что же мне делать с вами, советник?

С некоторым усилием полковник вернул себе планшет, оценивающе поглядел на меня и заявил:

– Я дам вам парабеллум.

– Простите?..

– Мне пора идти к бойцам, сказать им... Не важно. Короче, время дорого. А вы действуйте по своему плану, желаю удачи. Вон сидит Чернецкий, испереживался весь. А я понятия не имею, что вы знаете код спускаемого аппарата. И что у вас инструкция поступать по совести.

– По своему усмотрению, – поправил я.

– А есть разница?.. Вашу руку, советник. Кстати, найдите возможность прилечь хоть на пару часов. Вы же заступаете во дворец в ночную смену? Спокойного дежурства.

Я чуть было не козырнул, но припомнил, что «к пустой голове руку не прикладывают». Вдруг запершило в горле. К чему бы это. Надеюсь, не к ветрянке. Переболел в детстве, но здешний штамм настолько лютый, что у нас уже пошел второй десяток с повторной, и Шалыгин приказал всем бояться.

Да, нынче вечером командир воздушного судна Чернецкий полетит совершать подвиг, а советник Русаков пойдет во дворец на ночное дежурство фельдшером. Что вы чувствуете, советник, когда втыкаете шприц...

У девочки было девять братьев и сестер, трое умерло детьми, и она говорит о них так, будто те на минуту вышли. У туземцев своя философия смерти. Те, кого они любили, остаются с ними навсегда. История из жизни прапрапрадедушки не станет байкой или анекдотом – поколение за поколением будут пересказывать ее слово в слово и жест в жест, без малейших искажений. Зато плохих людей тут забывают наглухо, просто стирают из памяти рода и племени. Как при этом рефлексировался негативный опыт, мы пока не разгадали. Если пойдем, нас ждет форменный переворот в психологической науке. Возможно, мы станем намного счастливее...

Я подошел к конвертоплану, Чернецкий открыл дверцу.

– Код от спускаемого – надо?

– Черт поberi! – Летчик криво усмехнулся. – Я должен Алику бутылку. Он сказал, что Газин примет вас в игру, а я грешным делом засомневался.

Я открыл было рот, чтобы ляпнуть: «Это кто еще кого принял...» – и закрыл. Вдруг пришло осознание, что я не обижен таким принижением своей роли, да и вообще наплевать. Результат важнее. Кажется, я наконец-то бросил играть в дипломата – и стал дипломатом. Поздновато созрел. Но как сказал бы вождь, чтобы кем-то стать, надо им быть. Я – могу. Я гожусь для серьезного дела, от меня есть польза, и идите вы к чертовой матери.

Видимо, некое внутреннее напряжение все-таки отразилось на моем лице, поскольку Чернецкий добавил:

– Не в вас сомневался, в полковнике.

А я улыбнулся в ответ и сказал: да мне все равно.

Прозвучало это несколько иначе и довольно экспрессивно, но смысл я вам передал в точности.

У бравого летчика очень смешно отвисла челюсть.

Он, наверное, думал, я и слов-то таких не знаю.

На санитарное дежурство я заступал к шести вечера и отдохнуть, конечно, не успел. Не расслабишься, когда такие события. Я взял в санчасти перезаряженную аптечку, сел в вездеход, но поехал не к дворцу, а на летное поле. Сначала посмотреть, как там наши заговорщики.

Все оказались в сборе: оба экипажа, хмурый Акопов, сосредоточенный Чернецкий, четверо спецназовцев – трое рядовых и немолодой сержант, полковник Газин и капитан Петровичев. Обступили трехмерную карту пещеры-«хранилища» и тыкали пальцами, что-то согласовывая.

Мне никто особо не обрадовался. Как всегда. Правда, капитан против обыкновения пожал руку и даже выдал нечто вроде кривой улыбки... Поднялся и ушел в сторону каньона вертолет спасателей. Полковник начал говорить – и осекся. Он глядел через мое плечо, и выражение лица у него было сложное.

Со стороны города к нам шел Тунгус.

Великий вождь, облаченный в парадную расписную тогу, смотрелся беззаботным, словно на прогулку собрался. И никаких признаков болезненного состояния. Рослый пятидесятилетний красавец, запрограммированный природой на долгую счастливую жизнь.

Земляне изобразили приветственные жесты, кому какие положено, а мы с полковником, обозначив взгляд в глаза вождю, сунули в рот по зубочистке: говори с нами, о, великий, мы внимаем.

– Давно хотел полетать, – сказал великий. – Самое время.

Полковник нервно прожевал зубочистку и чуть не проглотил ее.

– Давайте говорить, как принято у вас, – разрешил вождь. – Нет времени для церемоний.

А ты молчи. И ты тоже.

Он указал на Петровичева и Акопова. Экипажи и солдат вождь просто не рассматривал, да те и не рвались в собеседники.

– Господин великий вождь, разрешите обратиться к товарищу полковнику? – ляпнул Петровичев, взяв под козырек.

Господин великий вождь гавкнул на капитана так, что тот едва не упал.

Местный смех это гулкое уханье, похожее на собачий лай; в исполнении Тунгуса тянуло примерно на сенбернара. Я чуть не оглох.

Не знаю, что уж там напереводил вождю транслятор, может, с титулами намудрил, или сама ситуация его рассмешила.

– Иди, лезь на свою вышку, – разрешил вождь. – Начальник тебя отпускает.

Поднял руку Чернецкий, но спросить ничего не успел.

– Останется этот, – вождь ткнул в одного из спецназовцев, на вид самого молодого.

Зашел внутрь карты и начал осматриваться.

Капсула лежала, привалившись боком к куче обломков неясного происхождения, до того заросших пылью и грязью, что даже форму их установить толком не получилось. Тем более разведка теперь очень берегла свои дроны.

– Вот же воришки, – произнес вождь задумчиво, почти ласково. – Жаль, не хватит времени... Не так все надо делать, конечно... Но как-нибудь потом вы придумаете способ обездвигнуть этих тварей или распугать. И тогда мы в их хозяйстве покопаемся.

– Всех перетравим, – заверил полковник.

– Травить не надо, – сказал вождь строго. – У себя дома трави... Кто идет со мной к этой штуке?

Чернецкий толкнул локтем Шурика, тот церемонно поклонился.

– Увеличить, – приказал вождь.

Карта начала расти, люди подались назад.

– Довольно. Воины, ко мне.

Тунгус выстроил тупой клин с собой во главе спиной к капсуле. Остался недоволен, не хватало ему четвертого бойца для симметрии. Передвинул солдат, каждого быстро вполголоса проинструктировал. Вышел из карты и бросил полковнику:

– Должен тебя предупредить, что они, скорее всего, умрут.

Полковник смотрел на вождя, не отводя взгляда.

– Если я не вернусь, будешь вести дела с Унгасаном, – сказал Тунгус. – И самое большее через три года первая группа наших учеников должна отправиться в Москву. Мы не можем ждать. И вы не можете. Мы вам нужны. Вы сами не знаете, как мы вам нужны. Чтобы стать им-пе-ри-я, – вождь произнес чужое слово по слогам, но очень четко, – мало думать как империя. Надо делать как империя. А вы хорошо думаете, но плохо делаете. Скорее учитесь делать. Удачи, друг.

И сунул полковнику руку.

Я думал, тот ее сейчас поцелует.

По-моему, Газин дышать начал, только когда вождь повернулся к нему спиной.

Мне Тунгус бросил, проходя мимо:

– А ты не будь, как вы говорите, и-ди-о-том. Я правильно сказал?

– Ты делаешь большие успехи в языке, друг мой.

Тунгус вдруг остановился и буркнул под нос:

– Как странно. Ты очень хочешь пойти со мной – и не можешь. Почему?

– Сам не понимаю. Наверное, меня так научили. Это часть моей работы – ни во что не лезть руками. Иногда бывает стыдно. Иногда мне кажется, я просто трус. Да здесь, наверное, все так думают. И я вместе с ними...

– А гвоздь в голову забить – это не руками?..

Скажи такое кто из наших, я не особо удивился бы. Но тут прямо остолбенел. Наружу рвалась мольба: «Ты же знаешь, что это не я! Ты же всех насквозь видишь!» Молчать. Тихо. Ни слова, а вот эту недостойную умоляющую интонацию я взял и задавил в себе.

Проклятье, я нынче точно стал дипломатом. Выдрессировал меня великий вождь Унгусман.

– Береги мою девочку, она тебя очень любит, – бросил Тунгус, уходя.

– Ты вернешься... – прохрипел я ему вслед. Говорить оказалось вдруг невероятно трудно.

Вождь совсем по-людски дернул плечом в знак того, что бог знает, вернется он или нет, – а вот мне задача дана, и полковнику тоже, и как бы не всей матушке-России, и он оставляет на наше попечение свой народ, и нам теперь никак нельзя быть идиотами...

– Ну, ты обещал меня прокатить на своей леталке! – донеслось издали.

Чернецкий показал высокий класс понимания этикета: суетиться и не подумал, только сделал приглашающий жест, а дверь конвертоплана открыл, согнувшись в поклоне, бортмеханик.

Я пошел к вездеходу. Я больше не мог оставаться здесь.

Они вернутся, твердил я про себя, они вернутся.

Боевой вождь Унгасан сидел на ковре, весь заваленный какими-то свитками. Несколько лежало у него на коленях, пара торчала из-за пазухи, один он держал под мышкой, другой в руке, а третий развернул, помогая себе зубами, и косил в него хмурым глазом.

– Что скажешь? – спросил он невнятно.

Гасан был не просто хмурый, он был злой, что для туземца редкость. Можно понять – двадцать лет парню на наши года, и вдруг такой подарочек: государственное управление в полный рост.

– Он умеет делать вот так? – я показал руками.

– Лучше всех. Но эти твари, они же тупые. И отец их в жизни не видел. Говорю ему: давай я пойду...

– Ты их тоже не видел.

Гасан выпустил свиток из зубов и уставился на меня.

– Я воин! Я умею биться! А отец... Он другой. Он умеет заставлять все живое любить себя. Я сейчас здесь не потому, что отец приказал, а потому, что очень люблю его!

Сказав это, боевой вождь династии Ун шмыгнул носом.

Туземцы плачут совсем как мы. Да они и есть мы, только намного лучше.

– А эти твари... Не способны любить. Понимаешь?

– Да, вождь.

– Мне сообщат, как все прошло... Но ты ведь узнаешь раньше. Я хочу доклад немедленно, советник. Ты сделаешь это для меня?

– Да, вождь.

Гасан стряхнул на пол лишние свитки, встал и подошел вплотную, навис надо мной, нарушая разом и этикет, и местную технику безопасности, по которой от вождя до гостя должна быть минимум вытянутая рука, а лучше полторы.

– Советник, – повторил он. – Отцу советы не нужны. А мне понадобятся. Много. Как бы все ни кончилось, нам с тобой еще работать и работать.

Фраза вышла совершенно земная, но мы с транслятором независимо друг от друга перевели ее именно так.

– Всегда к твоим услугам, вождь. Ты же знаешь, как пользоваться связью – просто вызывай меня. Но сейчас я иду проведать больных.

– Да. – Гасан вдруг фыркнул. – Отец так и не освоил вашу связь. Он хочет от вас школы, больницы, электростанции, мечтает послать нас с Унгури в Мос-ков-ский у-ни-вер-си-тет, а простой телефон в руки не берет... Второго такого, как отец, нет. Им мог бы стать Унгелен. А я не стану. Грустно.

– Черт побери, как же ты вырос! – вырвалось у меня.

Гасан хмыкнул. И совершенно отцовским жестом положил мне руку на плечо.

– Пришлось, – сказал он.

А потом отослал меня тыльной стороной ладони – тоже совсем как отец.

Я ушел к больным, пытаясь сообразить, каков теперь мой статус во дворце. Старался думать о чем угодно, только не о том, что творится за полтора-два километра отсюда. Все равно узнаю детали не раньше, чем операция закончится. Поскольку она как бы нелегальная, полковник зашифровал каналы связи.

Двое больных явно шли на поправку, трое, по выражению сменщика, «пока зависли, но прогноз ничего себе». Угольно-черное тело, покрытое сыпью, выглядит не так устрашающе, как белое, но человек с очень высокой температурой – грустное зрелище само по себе. Я принял дежурство, провел штатный сеанс обработки ультрафиолетом и взялся было помочь санитарке из местных сделать влажную уборку, но меня вежливо усадили и посоветовали вообще лечь.

– Отдохните, вождь, вы так устали, на вас лица нет, – сказала девушка.

Она была неуловимо похожа на Гури и, вероятно, приходилась ей дальней родственницей, здесь это в порядке вещей. Аристократ с претензиями на власть не станет крутить любовь с обслугой, но если юноша из династии Ун нацелился идти в торговлю, строительство или аграрный сектор – такие отношения не возбраняются... Секунду, как она меня назвала?!

Одна из форм обращения к младшему вождю. Стоп, не совсем так. Лицо, приравненное к... Нет! Девушка использовала редкое слово, которым зовут чужака, возведенного в достоинство «рожденного во дворце». Статус присваивается в боевой обстановке или при иных чрезвычайных обстоятельствах, когда надо дать большие полномочия ценному специалисту. Или просто хороший человек подвернулся, и семья решила забрать его со всеми потрохами, так сказать, для улучшения породы. Интересно, какой случай – мой?

Кстати, обратного хода процедура не имеет. Назвали конем – полезай в хомут и жуй сено. Можешь уехать, но тогда веди себя тихо и благородно. Скажешь глупость, дашь не в ту морду, решат, что позоришь род – убьют и не почешутся.

Здрате-пожалуйста, я младший вождь династии Ун. Меня приняли в игру. А я просил?!

И тут пришло на ум – ну да, просил, еще как.

Невербально. Зато всем сердцем.

... Унгури сидела, будто окаменев, только по щекам катились слезы, когда скончался Унгелен. Ухаживала за ним до последней минуты, хотя знала, что это смертельно опасно, и мы ничего не можем гарантировать. Отец только головой покачал и рукой махнул, совсем по-нашему. Он уже сказал полковнику: если половина двора уцелеет, государство не развалится, а вот если половина народа вымрет – пиши пропало. Спасайте людей, я без них не имею смысла...

Я смотрел, как плачет Унгури, и думал: если она тоже умрет, Сорочкину не жить. Его придушат и зароят. Гури исполнилось четырнадцать, а Гене пятнадцать, когда отец поручил им работать с нами. Два рано повзрослевших ребенка, они были напичканы по уши знаниями о своем народе, обучены азам государственного управления и готовы в любой момент подменить кого-то из дядьев и тетюшек. Они дали нам бездну материала. Гури уже считалась практически готовым шефом протокола. У Гены был талант к языкам, его прочили на местный аналог таможни, где он и без того торчал все свободное время, общаясь с караванщиками. Они с Сорочкиным, два лингвиста, нашли друг друга. В третью командировку Леша вез для парня какие-то немыслимые терабайты обучающих программ и грозился сделать из Гены языковеда вселенского масштаба...

Мы едва успели очухаться после высадки, когда Гена утащил Сорочкина в город – пришел караван издалека, оба давно его ждали, чтобы исследовать редкий западный диалект. Для Леша это был очередной профессиональный вызов, а для возмужавшего Унгелена, на шее которого появился знак младшего вождя, – нечто неизмеримо большее. Сами догадайтесь, чего ради имперский чиновник изучает языки, составляет разговорники и проводит мастер-классы для рядовых толмачей. Это обеспечивает связность огромных территорий и дает народам шанс договариваться между собой миром ко взаимной пользе. Еще это разведка, конечно, и контрразведка. Неспроста именно Унгелен первым говорил со всеми земными делегациями.

Сорочкин был, как я понимаю, тоже тот еще фрукт, только не кадровый, а вербованный. Кадровый имперский офицер – человек более долга, нежели чести, и не покончит с собой, пока в нем есть нужда или к нему остались вопросы. Просто убить себя, когда все плохо, – это для гражданских.

Сконфуженный Унгелен привез своего приятеля на базу через трое суток. Сорочкин был в жару, бреде и характерной сыпи.

– Ну, Гена, ты даешь! – ляпнул доктор Шалыгин. – Подкатил нам подарочек...

Чем настроил туземную администрацию на самую удобную для землян версию. Унгелен и так грешил на караванщиков, а те ушли обратно к западу еще третьего дня. Шалыгин сказал:

надо догнать и взять анализ крови, но великий вождь летать в ту сторону не дает. Младший вождь совсем загрустил и ответил: великий знает, что делает. Явился полковник, увидел тело, просчитал все варианты развития событий, включая войну с туземцами, и объявил на базе «угрожаемый период». Меня послали убеждать Тунгуса, что у лингвиста не просто болячка. Я был убедителен, и Тунгус поверил. Началась свистопляска под названием «закрываем город». Тщательно, но без фанатизма – мы ведь еще не знали, с чем столкнулись.

Доктор предположил, что больной был инфицирован перед самым отлетом, и вирус просто «заснул» вместе с организмом – инкубационный период растянулся на четыре месяца. Но где этот раздолбай подхватил заразу? У нас трехнедельный карантин. Специально, чтобы не притащить с собой лишнего.

Сорочкин очухался и был допрошен. Вскрылось невероятное. Запредельный просто идиотизм. Оказывается, маршрут к «Земле-2» у рядовых космонавтов-транспортников считался уже рутинным, а про саму планету говорили, будто она исследована вдоль и поперек – ха-ха три раза, кто понимает... Короче, старые космические волки решили возродить традицию: за пару дней до отлета покинуть медицинский центр через теплотрассу, завалиться в ближайший кабак, слегка там вздрогнуть да прогуляться по бабам. А Сорочкину только дай сунуть нос куда не надо – он ведь у нас заслуженный полевой исследователь. И в некотором смысле тоже старый космический волк. В общем, ему стало интересно, как они это делают. И вместе с парой механиков Леша отправился в загул. Мы высадились, механики усвистали на звездолете дальше, а негодяй Сорочкин – вот. Жить будет. Но болеет так тяжело, что почти жаль его, дурака.

Полковник вытряхнул из полуживого Сорочкина все имена, пароли и явки, пообещал допрос под гипнозом на случай, если пациент чего забыл, и посоветовал молиться. Леша страдал, ныл и жаловался. Не понимал, за что с ним так грубо. Он еще не уяснил, чего натворил и чем страшна ветряная оспа в условно античном городе, где двадцать тысяч человек без иммунитета.

Начали заболеть местные, подозрительно быстро, ненормально для ветрянки. Доктор Шалыгин разобрался с вирусом – и слегка напрягся. Долго сидел на посту дальней связи, консультируясь с Москвой. В городе народ падал, будто его из пулемета косят. Мы пытались уговорить местных носить марлевые повязки, но стояла удушливая жара, и ничего путного из этого не вышло.

Когда насчитали первые сто смертей, Сорочкин был уже вполне ходячий. С базы Лешу не выпускали, да и перемещался он строго от санчасти до поста ДС, где ему устраивали межпланетные допросы суровые дяди из ФСБ. Думаю, это немного развлекало Сорочкина, потому что экспедиция с ним не разговаривала вовсе. Добряк Шалыгин, у которого тот трудился санитаром, и то низвел общение до уровня подай-принеси-пошел вон.

Леша все рвался узнать у меня, как там Гена. Что я мог сказать? Унгелен боролся со смертью. В короткие минуты просветления спрашивал, как там Леша, и корил себя за то, что всех подвел. Мне умереть со стыда хотелось, когда он так говорил.

Москва дала предварительные данные по вирусу. Никогда еще я не видел Шалыгина растерянным, а полковника – испуганным. В тот же день зараза впервые «пробила иммунитет» у одного из наших. Полковник заставил всех поголовно надеть респираторы. Люди начали терять сознание: по летней жарнице дышать в намордниках было трудно. Доктор сказал, что это сугубо психологический эффект, и щедро накормил экспедицию транквилизаторами. Некоторым полегчало, некоторым не очень.

Сорочкин начал потихоньку высовываться из санчасти, гулять по базе, его не замечали в упор и даже под ноги не плевали. Демонстративно. А лучше бы морду в кровь разбили.

... Унгури повернула ко мне мокрое от слез лицо:

– Ты не носишь маску. Почему? Это ведь опасно для вас тоже, и тебе было приказано, я знаю.

– Вожди не носят масок.

Я сказал это, не думая о контексте, подтексте и так далее. Правящая династия отказалась от респираторов принципиально и наотрез. Ну да, полковник чуть из сапог не выпрыгнул, когда разведка ему настучала, что я снимаю респиратор во дворце. Он сделал понятно какой вывод: этот скользкий тип рискует собой ради дипломатии, хочет понравиться Тунгусу. Полковник даже крикнул в сердцах: ну, если сдохнете, так и доложим вашему начальству – прогибался перед местными!

А я просто так захотел – без маски.

Вожди не носят масок, и все тут. Только сказав это, глядя в бездонные глаза Унгури, я подумал: какая, черт побери, емкая метафора. На Земле правитель всегда артист и притворщик, даже если совсем не хочет – надо. На Земле-2 по-другому, тут рулят вожди. Те, кто ведут за собой. Они не лицемерят перед народом. И народ идет за ними...

Между нами лежал мертвый Унгелен. Юноша, за которого сестра отдала бы свою жизнь, а я... А меня хватило на то, чтобы делать уколы, обрабатывать ранки и держать мальчика за руку. И все без толку.

Я смотрел на Унгури и думал, что если она умрет, Сорочкин – труп.

Придушат и зарюют? Нет. Я не способен взбеситься настолько, чтобы убить голыми руками. Таких не берут в дипломаты. Можно достать ствол, но будут неприятности у военных. Зато строительный пистолет взять на складе не проблема.

Пули ты недостоин. Жил грешно – умри смешно. Гвоздь тебе в голову. В самый раз.

Унгури смотрела на меня и, казалось, прямо в душу. На миг стало боязно: вдруг она догадается, о чем я думаю. Она ведь может. Не надо ей. Лишнее это.

– Мы ходим без масок, потому что все здесь – наши родичи, – сказала девушка. – Весь город, весь мир. Понимаешь?.. Пойдем к отцу, надо сказать ему, что Унгелен... Остался с нами навсегда.

– Я... Ты уверена, что я нужен?

– Ты мне нужен. И ты был с ним все время. С самого начала без маски. Почему без маски? Я не спрашиваю, ты ответь себе.

– Потому что так захотел, – честно сказал я.

И тогда она улыбнулась. Едва заметно.

Унгусман принял нас внешне спокойно, он был давно готов к потере сына. Осталось еще трое и две дочери. Все сегодня будут плакать. А Тунгус обнимет каждого и найдет для него слова утешения.

Я не ждал, что такие слова у него есть для чужака.

Он сгреб в охапку Унгури и что-то шептал ей на ухо. Потом взглядом, полным боли, но полным и достоинства, нашупал меня.

– Ты возлагал большие надежды на младшего вождя Унгелена, советник, – прогудел вождь усталым тяжелым басом, ритуальным голосом смерти. – Теперь все будет сложнее, ты знаешь. Но Унгелен остался с нами навсегда и поможет нам. Просто вспоминай его в трудную минуту.

Я промямлил что-то невнятное, принес соболезнования и поспешно откланялся. До конца дежурства было еще два часа; я не мог больше оставаться во дворце и попросил моего сменщика Рыбаренко приехать. Тот сказал: что-то случилось? Или у меня, образно выражаясь, батарейки сели?

– Вроде того. У меня Гена умер.

– Ах ты... Я бегом. Я мигом... Прямо не знаю, как ребятам сказать. Все понимали, что не вытянем парня, но...

– Ты ребятам другое скажи. Я видел, Сорочкин начал по базе гулять. Заверни в санчасть и попроси, чтобы его попридержали, когда я вернусь. Ну и меня лучше не пускать внутрь какое-то время...

Честно, сам от себя не ожидал. Просто вырвалось. Бурным потоком выплеснулось наружу.

А может, цену себе набивал. А может, хотел показаться нормальным человеком, у которого есть слабости. А может...

– Еще бы, – сказал Рыбаренко. – Момент, сделаю. Я уже на ходу. Держись там...

У меня не найдется алиби, ну и просьба спрятать Сорочкина, слух о которой разнесется по всей базе, тоже сыграет роль. Меня ни в чем не обвинят, но все будут думать, каждый свое.

А вот бригадир строителей Рыбаренко окажется «на подозрении», вплоть до того, что беднягу попытаются отстранить от дежурств во дворце, как утратившего бдительность и главное, не стукнувшего куда положено.

Рыбаренко отвечал за склад инструментов и расходников.

Пока мы передавали дежурство и я возвращался, на склад пролез через окно ведущий специалист экспедиции Алексей Сорочкин.

Он взял строительный пистолет и забил себе гвоздь в висок.

На Тунгуса это произвело впечатление. По здешним понятиям самому наказать себя за ошибку – значит отречься от почета, с которым тебе разможит башку дубиной вышестоящий начальник. С точки зрения вождя, Леша признал себя за пределами идиотом, недостойным не то что казни, а даже суда.

По оценке вождя, Сорочкин был все-таки жертвой обстоятельств, а не сознательным злодеем. Тунгус планировал выторговать его себе – и пускай вкалывает тут пожизненно, обучая туземцев языкам и составляя разговорники. Продолжая, в общем, дело Унгелена.

Я спросил: как бы ты терпел этого человека? Да ты бы сорвался и открутил ему башку.

Ну что ты, сказал Тунгус. Я бы посадил его в маленькую комнатку при таможне – и пусть работает. Мы бы просто никогда не встретились. Я туда не хожу, он не выходит. Учись, советник! Это и есть настоящая ди-пло-мать-ее. Я правильно сказал?..

Ты делаешь большие успехи в языке, друг мой, заверил я.

– Это тебе не гвозди в голову забивать! – гордо заявил Тунгус. – Тут соображать надо!

Достал он меня своими гвоздями, сил нет никаких.

Гури говорит, некоторые мысли обладают такой мощью, что стоят полноценного действия; в тот несчастливый день, глядя на нее, я так хотел прибить Сорочкина, что после этого мне уже было незачем его трогать. Он больше не имел значения, не играл роли, я его вычеркнул... Зато она увидела сквозь горе и слезы, как дорога мне. И что я сам еще не понимаю, до какой степени в нее влюблен. И как мешает проявлению человеческих чувств наша глупая ди-пло-мать-ее, но я умею находить такие жесты и совершать такие поступки, которые пробивают стену отчуждения.

В экспедиции мнения разделились пополам. Зато все теперь могут объяснить, почему меня сторонились. Расчетливый убийца – неприятный тип. Я ведь Лешу грохнул, чтобы наладить отношения с папуасами, вы же понимаете. В жертву принес русского человечка во имя дипломатии, мать ее. Да еще и с особым цинизмом. Не каждый сумеет гвоздем-то.

На вопрос, отчего со мной не стремились дружить целых две высадки подряд до того, как я укокошил русского гвоздем, ответ был просто сногшибательный.

Подозревали.

Чувствовалось во мне нечто такое.

– Чушь это несусветная, – заявил Петровичев. – Люди просто чуяли в вас вождя и не знали, как реагировать. У меня всю жизнь та же проблема.

– Пойдем... чифтейн, – сказал Чернецкий и увел его.

Оглянулся и подмигнул мне через плечо.

Грустно ему без самолета, но не наказали – и на том спасибо.

По закону подлости Чернецкий застрял.

Бывают такие герои, которым не везет красиво закончить подвиг.

Когда Акопов вцепился клешней в крыло, маленький конвертоплан не только перекосило, но еще развернуло, и встал он в трещине враспор, ни туда, ни сюда. Акопов понял это сразу, по нагрузке на манипулятор, а Чернецкому было невдомек, и они с бортмехаником Попцовым изготовились к следующему акробатическому этюду – снова упасть вниз и еще раз попробовать вылететь.

Не как раньше планировали, а без балласта. Вдруг получится. Только вдвоем.

– Алик, ты меня крепко держишь? – крикнул Чернецкий.

– Мертво! Опускаю лестницу! Выходите все!

– Все с борта!

– А как же вы... – заволновался сержант.

– Все-все-все, – заверил командир.

Они висели правым крылом вверх, нарочно, чтобы никому не пришлось лезть через Чернецкого, наступая ему грязными башмаками на щегольский синий китель с золотыми нашивками.

Кроме шуток, именно поэтому.

Первым машину покинул Гилевич с контейнером на ремне через плечо.

– Командир, умоляю, без фокусов, – попросил он.

Вторым шел Тунгус.

– Завтра в полдень будь во дворце.

– Постараюсь, – сухо ответил Чернецкий.

– Вы точно выходите? – сержант явно чуял подвох.

Командир поторопил его жестом.

– Не видишь – висим!

Когда машину оставили все лишние, Чернецкий с облегчением выдохнул.

– Олечка, готов?

– Да как сказать... Командир, мы, кажется, действительно висим.

– Сейчас Алик отпустит, и вывалимся. Ну поцарапаемся слегка... Внимание! Алик! Бро-
сай!

– А если не брошу?

– Почему?!

– Вылезай давай, вот почему.

– Алик, не будь занудой. Я пустой выскочу отсюда как пробка из бутылки. Положу машину на спину, потом заберем ее и починим. А если ты уронишь ее в пещеру... Ты же не хочешь оставить меня без крыльев, брат?

– Саша, ты застрял, – сказал Акопов. – Тебя заклинило. Я чувствую процентов двадцать твоего веса.

– Ну вот и отпусти. И поглядим. Слушай, отпусти по-хорошему, а?

– Я-то отпущу, но у тебя оба кия будут повреждены. Скажи Олегу, пусть высунется, если мне не веришь. Там выступы скал, их зажмет и вывернет, когда я тебя брошу.

Чернецкий оглянулся на Попцова.

– Ладно, посмотри.

– Мне очень жаль, – сказал Акопов. – Я тоже люблю твою машинку.

Это Чернецкого добило. Он еще держался на адреналине, но боевой настрой уже потихоньку отступал.

И так они сделали больше, чем надеялись. Да с каким шиком! И после этого потерять любимую машину...

– Боюсь, останемся без хвоста, командир, – донеслось сзади. – Все, допрыгались.

– Алик! – позвал Чернецкий. – А вытащить?..

– Завтра попробуем. Обязательно попробуем. Иди уже к нам. Вождь тебе коня подарить хочет.

– Ты его видел, этого коня?! Это бегемот!

– Он может и жену, но судя по описанию, она страшнее бегемота...

– Не смешно, – сказал Чернецкий, отстегивая ремни. – Почему мне не смешно... Олег, где ты там. Пойдем отсюда. Долетались мы, дружище.

Когда Акопов отпустил конвертоплан, тот с жалобным скрипом чуть-чуть развернулся в трещине и застрял окончательно. Намертво.

Чернецкий спрятал лицо в ладони.

– Мы расстреляли по полмагазина, не больше, – рассказал сержант. – Боялись, термиты вцепятся в колеса. Побили тех, кто был слишком близко. Вождь... Он сделал все. Без него не ушли бы. Он сделал вот так – руками – и насекомые замерли. Насекомые, да... Да ну к черту... Сниться мне будут теперь в кошмарах...

Чернецкий вошел боком в трещину, выровнял конвертоплан и мягко посадил его перед капсулой. Струя от двигателей разметала термитов, облепивших спускаемый аппарат. Десант бросился за борт, Гилевич побежал к люку. Повезло, не пришлось ни карабкаться, ни даже тянуться. Рабочие термиты разбежались, вместо них пришли солдаты, наши приготовились стрелять, и тогда вождь сделал руками «вот так».

Чего никто вообще не учел – что термиты могут проигнорировать людей и напасть на самолет. Все были уверены: солдаты попытаются отбить капсулу, а конвертоплан им без надобности.

У термитов оказалось другое мнение.

Чернецкий дал полный газ и подпрыгнул.

Сдуло всех.

Относительно выиграл один Шурик: он успел вскрыть люк и сунуться в спускаемый аппарат. Его толкнуло под зад и закинуло внутрь.

Остальных расшвыряло вверх тормашками.

Чернецкий висел на десяти метрах, стараясь не думать, что с людьми. Он видел только вождя, лежащего ничком – тому задрало тогу аж до подмышек, и в ярком свете прожекторов ослепительно сверкала черная задница.

Одна радость – термитов поблизости нет.

Из люка высунулась ладонь, дала отмашку, Чернецкий прибрал газ и посадил машину.

Гилевич с контейнером бросился к вождю и принялся его тормошить. Показался один спецназовец, второй... Потрепанные, но не поломанные, а это главное. Встал на ноги Тунгус. Так, все в сборе. И куда они глядят?..

Тут вождь опять сделал «вот так». А остальные побежали к машине.

– У нас под хвостом целая армия! – крикнул Гилевич, запрыгивая в дверь. – Тунгус их держит!

Вождь короткими шажками медленно двигался к конвертоплану – лицо напряженное, руки вперед. Раздалось несколько очередей, в салон кубарем вкатился спецназ. И наконец появился вождь. С достоинством, не бегом.

– Полетели, – сказал он просто.

И они полетели.

Чернецкий приподнял машину, дал время пристегнуться, потом на форсаже рванул вертикально, молясь, чтобы не подвели движки, и под самым сводом пещеры завалил конвертоплан набок.

Увидел клешню манипулятора и, как обещал, сунул крыло прямо в нее.

Надо же – получилось.

Чернецкому не подарили ни жену, ни коня, вообще ничего. Простолюдина можно наградить ценными вещами, аристократа почестями, а вот героя, который чужак и ни на что не претендует... Великий вождь один на один сказал летчику «спасибо» и отпустил. Даже руку не пожал – не положено.

Чернецкий обиделся и всем рассказывал, мол, это вождь ему отомстил за то, что светил голым задом в пещере.

Через три месяца Тунгус выкатил на летное поле конвертоплан.

Самую малость помятый и с целехонькими киями.

Он согнал к трещине орду строителей, те навели сверху помост, немного помудрили с тросами, а потом ювелирным образом повернули самолет, приподняли, снова повернули, еще приподняли... Достали, запрягли табун своих жутковатых лошадок – и милости просим, командир, принимай аппарат.

Чернецкий встал перед вождем на одно колено и склонил голову. В глазах его блестели слезы.

– Потом еще полетаем, – сказал вождь. – Мне теперь можно.

Полковник Газин вызвал на ковер Петровичева и сунул ему под нос акт о списании конвертоплана ввиду нецелесообразности извлечения из трещины в силу технической невозможности. Они кричали друг на друга так, что дрожали стекла, потом успокоились. Списанный конвертоплан поднялся в небо через несколько дней. Работы для него было полным-полно. Мы теперь летали над всем континентом.

Великий вождь сделал-таки своим родичам такое предложение, от которого те не смогли отказаться. Полковник боялся, что это будет грубый шантаж вакциной – либо идете под мою руку, либо вымирайте к чертовой бабушке. Тунгус при желании мог нагнуть экспедицию как ему угодно, и мы бы не пикнули. Ну, сообщили бы, что он не прав – а дальше?.. Случись драка, нас сомнут. Останется только позвонить на орбиту и вызвать огонь на себя. Но «Кутузов» улетел, едва мы раздобыли вакцину. Газин так и не смог его расколоть, чего он тут болтался.

Я говорил полковнику, что Тунгус не такой, но кто меня слушает. Когда выяснилось, что Тунгус совсем не такой, мне спасибо тоже не сказали. Да я и не просил.

А великий вождь поступил красиво. Созвал кочевников и говорит: вы же знаете, ко мне тут прилетели. И вы догадываетесь, чего они могут. В общем, я с ними договорился, мы объединяемся. Вписываемся на равных правах. Династия Ун наберет такую силу, что вы ей станете просто неинтересны. Мы через два-три поколения уже не сможем нормально с вами разговаривать. Поэтому решайте: либо вы с нами, либо дуйте обратно в степь и пропадайте там. Зато если вы с нами, есть интересная задача. Чем больше нас будет, тем больший кусок мы сможем откусить у наших новых партнеров. Династия Ун рассчитывала присоединить западные племена за сотню лет. Теперь надо собирать народ быстро, за годы. Мы уже начали разъяснять наши предложения, но нет уверенности, что нас поймут. Тогда придется действовать по старинке. Сначала небольшая демонстрация силы. Просто зайти и показать себя. Если не поможет – дать по шее и возглавить. Объясните им: кто не с нами, того мы в будущее с собой не возьмем. А будущее наступит буквально вот-вот. Да вон оно летит...

И тут Чернецкий такой на конвертоплане – вжжжик! Пожалуйста кататься. Оцените, какие преимущества дает обзор сверху и воздушная разведка.

Кочевники чисто для виду поломались, а потом дали Тунгусу присягу и двинули на запад проводить разъяснительную работу. Потому что в будущее всем хочется.

Тоже в некотором роде шантаж. А с учетом того, что Россия ничего Тунгусу пока не гарантировала, чистое надувательство. Я так ему и сказал.

– Не волнуйся, мы станем россиянами скоро, – ответил вождь. – Если враги России захотели истребить мой народ – ну куда вы денетесь. Значит, мы вам действительно нужны. Враги это понимают, ну и вы поймете. Хотя вы, конечно, по сравнению с ними как дети малые. Добрые, наивные...

Подумал и добавил:

– Жалко, Унгелен не дожил. Он ведь это предсказал в точности.

Я стоял молча, переваривая услышанное.

Тунгус негромко гавкнул – в смысле, хихикнул.

– Да смешной ты, – объяснил вождь. – Все вы забавные, но ты особенно. Ступай. Нельзя заставлять девушку ждать, ей может попасться на глаза кто-то покрасивее.

– Вы ее недооцениваете, великий вождь.

Тунгус залился лаем, и я поспешил на выход.

Когда проблемы рассосутся, познакомлюсь со степными псами. Вождя попрошу, чтобы помог. Сдается мне, ими просто никто не занимался. И еще сдается мне, что это гавканье вместо смеха – неспроста.

Гури сидела за штурвалом вездехода. В кузове барахталась ребятня – будущие вожди с будущим обслуживающим персоналом. Судя по физиономиям, сплошь родичи. Впрочем, тут все родичи. А кто еще не в семье – тот будет.

– Куда прикажете, вождь?

– На пост ДС, вождь. Но раз такие пассажиры... Можно сделать кружок по городу.

– Правильно. Ну садись давай, старая развалина. Зачем ты дал мне ту книгу? Теперь я знаю, что в сорок лет русский уже старик, а тебе до сорока всего ничего. Ужас. Как дальше жить?

– Это древняя книга, – сказал я. – С тех пор русские изменились к лучшему. И как говорил один мудрец – в России нужно жить долго, тогда до всего доживешь.

Она глядела на меня и улыбалась. Вождям не рекомендуется целоваться при посторонних, но тут были все свои.

Перепадет мне на орехи за мою дипломатию лет через сто, когда окажется, что эти черномазые ребята пролезли во все дыры и самую малость не возглавили Россию, а какой-нибудь смуглый красавец-полукровка метит в исполнительные императоры, и белое большинство Сената стоит за него горой, потому что мужик в доску свой, русский.

Мы понимаем, как они нужны нам.

– Поехали, – сказал я.

А кто не с нами, того в будущее не берем.

Эдуард Геворкян Ангедония

На переезд Департамента из района трех вокзалов в Ясенево отвели неделю.

Виктор собрался за несколько минут. Выгреб свое небогатое имущество из ящиков стола в пластиковый короб. Щербатую кружку с потертой термонаклейкой хотел выбросить, но передумал и, напихав в нее пакетики с чаем, пристроил между упаковкой с сухариками, которые выручали во время ночных дежурств, и поясной сумкой с аптечным набором. Проверил боковой кармашек сумки. Талисман, костяшка цзе, был на месте. Подумав, вынул сумку и нацепил на ремень. Мало ли что, проверка там или большое начальство нагрянет. Без аптечки никак.

В маджонг он научился играть раньше, чем писать и читать. Родители держали локал на одном из нижних уровней Бункера. Основной доход они имели не с торговли водой и пищевыми концентратами, а с игроков, которые ночами напролет стучали костяшками. Рос он сам по себе, братьев и сестер не было, да и родители вниманием не баловали. Ему было не то шесть, не то семь лет, когда случилась Большая Чистка. Много позже, в школьные годы, он заинтересовался историей своей, как он называл, родной глубинки и догадался, куда вдруг исчезли родители.

Бункер, а по сути – огромный подземный город-убежище, соорудили в тридцатые годы, когда опасались большой заварухи. Тогда же случилась так называемая «трехдневная война» из-за Курил. Началось с массового мирного заплыва двух или трех тысяч японцев на Хабомаи. На кадрах хроники они плыли в спасательных жилетах, уцепившись за концы, свисающие с катеров, и каждый сжимал в зубах цветок хризантемы. Пару-тройку катеров потопили, утонувших пловцов никто и не считал. Зато вскоре после ряда скандалов и разоблачений всплыло политическое дерьмо – выяснилось, под предлогом недопущения глобальной катастрофы хотели продать острова японцам за очень большие деньги. Собственно, тогда и произошла молниеносная Реставрация, и японцам по традиции опять не досталось ничего, кроме огорчений.

Виктор как-то заснул в скоростном вагоне четвертого кольца и проснулся от громкого спора двух старичков. Один чуть ли не кричал, тряся указательным пальцем перед носом собеседника, что термин «Реставрация» неправильный, поскольку старую династию не восстановили, а потому прервалась связь времен. Второй же, потирая переносицу, отвечал в том смысле, что Государь вроде бы из Рюриковичей, но будь он хоть трижды природный царь, все равно хрен с ней, с династией, хоть из подворотни на трон, лишь бы правитель соответствовал своему месту, а имена были правильными. Политикой Виктор не интересовался, но было любопытно – подерутся старички или нет. Но тут объявили его станцию, он вышел, шелест дверей, и спорщиков с легким гулом унесло в тоннель.

Детские годы пролетели на ярко освещенных подземных трассах и в бесконечных переходах с уровня на уровень. В таинственном полумраке технических отсеков, где под ровный гул генераторов, насосов и вентиляционных батарей так здорово играть в прятки. Или в контрабандистов, прыгая с трубы на трубу и проползая сквозь узкие щели на служебные уровни с закрытыми и запечатанными хранилищами. Старые уровни состояли из пяти ярусов, а потом, когда Бункер начал разрастаться, больше чем на три яруса их не расковыривали.

Несколько раз ватаге с нижних уровней доводилось просочиться по тоннелям метро глубокого залегания на безъярусный горизонт Большого Озера, вокруг которого в огромной пещере были выстроены домики для туристов. В охраняемый ярус даже состоятельные обитатели Бункера могли попасть только по пропускам, чтобы ненадолго почувствовать себя на берегу моря, пусть даже с искусственным небом и ветерком, немного пахивающим осве-

жителем для туалета. Впрочем, местные сюда особо и не рвались, да и туристы-экстремалы предпочитали ярусы, где двадцать четыре часа в сутки горит электричество и неспящие всегда могут найти места, полные веселья и развлечений, доступные и не очень. Говорили, что здесь по большей части обосновались серьезные люди, для которых развлечения как раз составляли основную часть доходов.

Сколько людей вмещал Бункер, первоначально рассчитанный на триста тысяч плотно заселенных эвакуантов, никто точно не знал. Одни говорили, что не меньше полумиллиона, другие называли вообще невероятные числа. Часть площадей и объемов когда-то выкупили корпорации на свои нужды, в нынешние времена явно позабытые.

Экономический тайфун сороковых метлой прошелся по стране, большая часть ресурсов, ухваченных в легендарные нулевые, вернулась под присмотр государства, а Бункер постепенно разросся – доступного жилья в столице, как всегда, не хватало. Потом какие-то денежные люди подсуетились, под предлогом того, что выиграла тендер на реконструкцию площадей Бункера, добыли парочку списанных, но еще работающих проходческих щитов и основательно вгрызлись вширь и вглубь. Местные долгожители любили пугать доверчивых туристов рассказами о том, что в поисках жизненного пространства алчные копатели рано или поздно доберутся до Подземного Моря, и тогда всему придет конец: низы утонут, а верхи всплывут брюхом к перекрытиям.

Ярусы и уровни не располагались строго друг над другом, переходы между ними должны были контролироваться муниципальными властями, но для контрабандистов и детей хватало обходных путей, чтобы попасть практически в любое место.

Виктор помнил, как в детстве пару раз вылезал на поверхность, но один раз попал под сильный дождь, другой – чуть не замерз в сугробе. В общем, не понравилось, и воздух там, наверху, был какой-то неправильный, неживой. Годы спустя его все еще раздражали огромные голые пространства, неестественная линейность проспектов и строений, шелест автомобилей и треск монорельса, а неулыбчивые лица прохожих ему казались безрадостными. Потом он решил, что дело в личном пространстве: в тесноте если не улыбаться, то скоро придется драться.

Некоторые ярусы верхних уровней были отведены под «странноприимные дома» для беженцев из сопредельных стран. Граница хоть и на крепком замке, но потоки не ослабевают. Расселяй не расселяй, многие рвутся в места хлебные, то есть в большие города. А Москва хоть и раскинула свои метастазы далеко вокруг, но не бездонная. К тому же после закона о нормах достойного жилья мало кто рискнет поселить у себя даже родственников дольше положенного гостевого срока.

Вот и приходится держать переселенцев в карантинных зонах перед распределением. За порядком следили строго, но время от времени кто-то пытался свести старые счеты, а другие под шумок утекали вниз, там ловить их было нелегко, да и некому по большому счету. Со временем Бункер превратился в своего рода достопримечательность, сюда приводили тургруппы любителей острых ощущений, здесь можно было найти аналоги Чайна-тауна, каирского базара или амстердамского блошиного рынка. Здесь за гроши можно было приобрести золотые монеты и драгоценные камни, иногда даже настоящие, отведать экзотических блюд, не рискуя серьезно отравиться, а легкое расстройство желудка – это даже своего рода знак доблести...

Туристов холили и лелеяли. Даже карманники старались обходить их стороной. Многие кормились деньгами, оставленными в сувенирных лавочках или в мастерских, где умельцы на принтерах лепили всякую всячину – от африканских масок до резной мамонтовой кости, практически неотличимой от настоящей. Поэтому особо борзых щипачей ловила вся майла. Своих вразумляли добрым словом и крепкими кулаками, а пришлых могли и забить до полусмерти.

Но именно уровень, где прошло детство Виктора, лихо вписался в историю Бункера. Какие-то одуревшие от гаша отморозки заигрались в триаду и похитили ради выкупа дочку

крупного чиновника, который вместе с семьей прибыл на благотворительный аукцион. Дочку быстро вызволили. Но на два яруса вверх и на один вниз, потому что ниже было некуда, устроили облаву. И за сорок восемь часов всех взрослых вывезли на строительство Красноярского укрепрайона. А детей распределили по государственным и церковным приютам. С тех пор опустевшие ярусы заселялись волнами беженцев и дауншифтеров. Позже вернулись и старые обитатели, правда, далеко не все. Но Виктор, как его нарекли в приюте Заволжского монастыря, родителей своих так и не встретил, да особо и не искал.

После школы отслужил год в погранвойсках. Хотел подписать контракт на пять лет, жить по уставу ему понравилось, а на западной границе хватало приключений. Но выехала однажды на их пикет группа польских контрабандистов. Виктор сам не понял, почему номера фур ему показались подозрительными. Пшеки оказались наглыми, перестрелка, легкое ранение, комиссовали с выплатой неплохого вознаграждения. Через пару лет Виктор случайно увидел в новостной ленте на остановке автобуса знакомую фамилию и узнал, что начальник заставы был в доле с деловарами той стороны.

Пару лет мотался у балтийских берегов. Подрабатывал на малотоннажных судах помощником механика. Море не нравилось – слишком много сырой воды, неправильно и неудобно. Перебрался в Москву. С работой здесь было хорошо, но с жильем плохо. Спустился в Бункер и немного обмяк, словно домой вернулся после долгого отсутствия. Да так оно, в сущности, и было.

За эти годы кое-что изменилось, конечно. На торговых ярусах стало больше зелени, кое-где даже росли настоящие деревья в больших кадках и огороженных закутках. Потолки жилых уровней подсветили мощными проекторами. Теперь вместо разноцветных фонариков над головами плыли облака, всходило и заходило солнце, одни коридоры превратились в джунгли, другие – в степь широкую, а длинный переход между шестым и седьмым уровнями – в подводный тоннель с прозрачными стенами, мимо которых проплывали косяки пестрых тропических рыб. Туристов стало больше: зланных мест наверху хватало с лихвой, но обилие камер повсюду несколько смущало любителей сомнительных развлечений. Здесь же камеры работали только на легальных входах-выходах, остальные исчезали чуть ли не до того, как их устанавливали.

На месте родительского локала появилась лавочка с черной лакированной вывеской. Под желтыми иероглифами надпись по-русски гласила «Антиквариат Ляо». Сам Ляо, степенно оглаживая длинную седую бороду, восседал за прилавком в халате, расшитом драконами и змеями. Торговал старинными монетами, позеленевшими бронзовыми канделябрами и каким-то ржавым барахлом вроде кованных гвоздей, якобы найденных во время расширения Бункера.

Старик на некоторое время приютил Виктора. Взамен тот приглядывал, чтобы посетители лавки ненароком не прихватили что-то ценное. На вопрос, есть ли в лавке что-либо действительно ценное, Ляо сказал, что самое ценное – это радость, которую испытывает покупатель, думая, что за бесценок купил стоящую вещь. «И вообще, – добавил он, – люди спускаются в Бункер за праздником, и мы делаем им праздник. Мой покойный папа, Самуил Лазаревич Берг, говорил мне – Лева, бери пример с цыган, они устроились так, что люди платят, глядя на то, как они веселятся».

Однажды Виктор встретил знакомого по армии. Узнали друг друга, посидели в ближайшей таверне. Знакомый оказался сыном хозяина этой таверны и предложил поработать у них. Виктору нравилась спокойная жизнь у Ляо, но его весьма зрелая дочь в последнее время стала слишком явно намекать, что после старого папаши лавке нужен будет крепкий молодой хозяин.

На новом месте он устроился днем вышибалой, а ночью охранником. Спальное место в подсобке, через стену располагалась хозяйская семья. Работенка оказалась непыльная, местные давно притерлись, а шумные туристы из северных стран оттягивались здесь не чаще одного-

двух раз в месяц. Хотя при случае могли разнести всю таверну. В эти дни Виктор не покидал своего места у столика в углу, и как только в поведении какого-либо посетителя возникала неправильность, быстро принимал меры. Иногда хватало увещевания, но доводилось и кулаками умирять неугомонного гостя. Битые почему-то всегда возвращались. Нравилось им, что ли?.. Некоторые туристки намекали на совместное путешествие за их счет по Бункеру, но таких он сплавливал сыну хозяина, неразборчивому в бабах, особенно если дело пахло деньгами. Виктору хватало местных девиц, с которыми знакомился на карнавале по средам.

Ритм Бункера затягивал. Он стал подумывать, не пойти ли на курсы обходчиков? Кто из его детской ватаги не мечтал стать обходчиком! Но со временем мало у кого оставалось желания, терпения и способности три года изучать минералогию, геологию, сопротивление материалов и еще массу необходимых дисциплин. Зато обходчик имел право открывать в Бункере любую дверь ногами, пробираться в любую трижды запечатанную и четырежды секретную дыру и, при случае, объявлять карантинную зону. Работа здесь самая высокооплачиваемая, но и ответственная. Все время надо следить, нет ли где неучтенных протечек, обрушений, намеков на проседание породы, усталости перекрытий и так далее по списку из сотни позиций.

Виктор не очень интересовался, что происходит наверху. В прошлом году репортажами о событиях в стране были забиты все новостные ленты в сети, телеканалы исходили желчью или патокой, в зависимости от того, посадили владельца или, напротив, поощрили. В общем, тогда Большая Чистка прошла от моря до моря, по пути завернув к океану. Говорили разное – и о попытке государственного переворота, о покушении на Государя, и о заговоре... Тут мнения расходились, выбор был большой – от прикормленных западными деньгами толстосумов до пригретых восточными и дальневосточными деньгами военных. Но все перемены там, наверху, до жителей Бункера доходили медленно, а то и гасли где-то на полпути. Виктор был уверен, что его они вообще не касаются.

Однако коснулись, и колесо жизни сбилось с колеи.

Виктор догадывался, что хозяин таверны, бывший спецназовец, оказывал посильные услуги сильным мира сего. И не удивился, когда тот попросил своего охранника так надежно спрятать в безопасном месте одного человека, чтобы до урочного часа ни свои, ни чужие не смогли найти. Пояснил, что это очень важный свидетель и его показания стоят голов многих серьезных людей, среди которых есть и приближенные к трону. Виктор не стал спрашивать, почему не задействует старые связи, ведь, как говорится, бывших спецназовцев не бывает. Но хозяин сам сказал, что он фигура слишком заметная, и его перемещения по уровню могут отследить. А так у него будут развязаны руки и в случае чего он прикроет. Было в этом что-то неправильное, получалось, что хозяин больше доверял Виктору, чем сыну, и это тоже настояжилось.

Место и время встречи Виктору несколько раз сбрасывали на навигатор, отменяли, снова назначали... Потом попросили выйти на поверхность и сесть в первый или последний вагон серой линии в любую сторону. Виктору уже надоело мотаться с конечной на конечную, и он собирался плюнуть на все и вернуться, но тут на свободное место рядом плюхнулся молодой парень в осенней куртке и с глубоко надвинутым на лицо капюшоном. Покосился на кожаную кепку в руке Виктора, негромко сказал, что его зовут Олег и именно он продает славянский шкаф. Слова были правильные, хотя Виктор не понял, при чем здесь шкаф!

В лабиринтах Бункера найдется сотня, а то и более мест, где можно затаиться. Но Виктор не мог себя заставить идти туда. Неправильности множились, ему казалось, что любое убежище там, внизу, станет ловушкой. Он попросил Олега вынуть из навигатора аккумулятор, а еще лучше – вообще избавиться от него. Свой разбил по дороге к метро и по частям разбросал по мусорным бакам.

Городские дворы и подворотни Виктор знал плохо, но на всякий случай в поисках укромных лежек время от времени выбирался в микрорайоны, предназначенные для расчистки.

Жизнь в Бункере порой выделявала странные зигзаги, и для местных обитателей выражение «лечь на дно» имело смысл противоположный.

Сумерки сгустились в полноценный вечер, когда он провел Олега, петляя между домами, предназначенными на снос, к бетонной нашлепке с заваренной дверью. Аккуратно снял заранее подпиленную ржавую решетку, и они спустился по старому вентиляционному коробу в бомбоубежище чуть ли не времен Второй мировой. Ни один обитатель Бункера в здравом уме не рискнет прятаться в месте, где нет как минимум трех или четырех запасных выходов. Сюда же, в длинное помещение с нишами под низким потолком, когда-то перестроенное под подземную парковку, можно было попасть только по стальной лестнице – пандус, по которому в старые, стародавние времена въезжали и выезжали машины, был доверху перекрыт бетонными блоками. Сквозь узкие щели между ними могли пролезть разве что крысы, но здесь пожить им было нечем. В Бункере же крысы были законной добычей вечно голодной шпаны, но там охота шла на равных – были случаи, когда в самых глубоких и грязных норах последнего уровня крысы насмерть загрызали детей нелегалов.

Одну из ниш Виктор перекрыл большим куском темной пленки и выпшикал на пол весь баллончик быстросохнущей пенки. Еды и воды в рюкзачке должно хватить на день, а потом наберет еще в таверне. Не за свой же счет рисковать неведомо зачем!

Утром договорился с Олегом о том, что, спустившись вниз, трижды постучит чем-нибудь по лестнице, чтобы тот, не разобрав в полумраке, кто пришел, случайно не пальнул.

Карточку, вынутую из жилетки неосторожного туриста, заблокировали быстро, но он успел пройти сквозь турникет хаба. Полдня катался на общественных линиях, в сумерках нырнул в один из легальных входов в Бункер, потоптался у лифтов, вернулся на улицу. Понимая, что если за ним следят, то вряд ли он это заметит, обошел парковку, спустился к набережной и тропинками поднялся к смотровой площадке.

Постоял немного, разглядывая Новый Стадион, потом перепрыгнул через парапет и сквозь кусты продрался к одной из опор. За ней находилась дверь в подсобку, где хранился садовый инвентарь. Код замка не менялся, наверное, годами, и стертые кнопки, которые надо было нажать одновременно, подсказывали нехитрую комбинацию из трех цифр. Виктор давно облюбовал эту точку, вот и теперь, закрыв за собой дверь и подсвечивая навигатором, аккуратно сдвинул лопаты и грабли в сторону, открыл люк и спустился в коллектор ливневой канализации. Ну а отсюда любой ребенок, выросший в Бункере и хоть немного разбирающийся в, казалось бы, случайных рисунках и надписях на стенах, быстро доберется практически до любого уровня, даже закрытого.

Выносные столики в широком проходе у таверны в это время обычно заняты, но в тот вечер лишь за одним расположилась компания и азартно резалась в маджонг. Проходя мимо игроков, Виктор мельком глянул на игру и сразу же ощутил неправильность. У игрока, сидящего к нему спиной, была выигрышная рука, но тот сделал какой-то бессмысленный ход, а потом и вовсе выронил костяшку, которая, отскочив от пола, упала прямо перед Виктором.

Виктор нагнулся, чтобы ее поднять, и поэтому заряд тазера пролетел у него над головой. Кто выстрелил из шокера, он не заметил, но ждать продолжения не стал и рванул с места, расталкивая прохожих и опрокидывая лотки. Только через несколько ярусов сумел оторваться от внезапно воспыхавших к нему интересом игроков. Подобранная костяшка так и осталась зажатой в кулаке.

Харчи пришлось добывать, взломав торговый автомат. Позже Виктор пытался узнать, кто его сдал, но хозяин таверны и его сын исчезли, а на этом месте появились киоск с разливным пивом.

Две недели они с Олегом не вылезали из своего убежища, только по ночам выбираясь наверх, глотнуть свежего воздуха. У Олега, наверное, все же был припрятан еще один навигатор или маячок. Поэтому он не стал дергаться, когда над заросшим кустами и травой квадратом

двора, зажатого с четырех сторон жутковатыми многоэтажками с провалами окон, завис еле слышно шуршащий лопастью вертолет и сбросил лестницу. «Это за мной, – сказал он и, сунув Виктору в руку какую-то бумажку, добавил: – Позвони через пару дней».

Виктор позвонил, и с тех пор жизнь его опять сменила колею, а вот в какую сторону, сразу и не понял. Каким боком Олег был замешан в прошлогодних событиях, он так и не узнал. Но из разговоров в столовой и намеков в отделе Виктору стало ясно, что за особые заслуги Государь жаловал Олега именным дворянством, а вскоре и карьера его составила, его возвысили до одного из руководителей Департамента. Собственно, и Виктор устроился в Департамент благодаря тому, что Олег замолвил за него словечко.

Полгода тому назад, после звонка по номеру в бумажке, его попросил встретиться и поговорить некто, назвавшийся Сергеем Викторовичем. Собеседником оказался коренастый седовласый мужчина, явно пенсионного возраста.

Они гуляли по парку в Сокольниках. Вопросы были вроде ни о чем, а Сергей Викторович, казалось, не обращал внимания на ответы, а следил за реакцией собеседника. На внезапно раскрытый зонтик в руках девушки на скамейке, на велосипедиста, промчавшегося рядом по выделенной полосе... Прощаясь, он предложил Виктору переселиться, дал адрес однокомнатной квартиры, оплаченной на полгода вперед, вручил ключ-карту. И настоятельно посоветовал завтра же обязательно явиться на медобследование.

Услышав название Департамента, Виктор вздрогнул, криво улыбнулся и сказал, что такие приглашения не игнорируются. На это собеседник ответил, что люди свободны в своем выборе, но если его вдруг начнут терзать сомнения относительно какой-либо непонятной фигни, то пусть не стесняется спросить совета по известному телефону.

После заполнения анкет и не очень приятных анализов врач, задумчиво потирая носяру, спросил, не приемный ли он ребенок, поскольку славянский генотип не соответствует матери-калмычке и отцу-казаху. «А я-то думал, что они китайцы, и я тоже китаец...» – удивился Виктор.

Потом за него взялся плотный дедок, кличку которого – Страшная Борода – он узнал на первом же занятии по силовой подготовке. Короче говоря, Виктора оформили в непостоянный резерв.

Встретили на новом месте прохладно. Коллеги по офису явно ждали его быстрого продвижения по карьерной лестнице, подозревая высокое покровительство. Но время шло, пару раз его задействовали как проводника по Бункеру, однажды поставили на замену прихворнувшего Силовика во время какой-то протокольной акции. Осенью 67-го весь резерв кинули на патрулирование улиц. Левые справляли какой-то юбилейный шабаш, власти опасались провокаций, выводить армию на улицы после прошлогодних событий было нежелательно – страна и так еле успокоилась после громких процессов.

После этого его перевели в постоянный резерв. Не обнаружив за спиной Виктора мохнатой руки, сослуживцы перестали избегать его. Судя по тому, что к нему приклеилась кличка Китаец, кто-то с длинным языком получил доступ к его личному файлу.

Была какая-то смутная неправильность в его пребывании в Департаменте по надзору. Среди лощеных, как ему казалось, служащих конторы он поначалу сам себе казался бомжом, случайно попавшим на бал Дворянского собрания.

Впрочем, слегка разобравшись в структуре Департамента, он быстро адаптировался. Если служить на совесть, то есть шанс со временем дорасти до Наблюдателя, потому как для должности Уполномоченного слишком молод, да и образование подкачалось, а быть Защитником хоть и почетно, но скучно. А скуки и так хватает – как у всякого резервиста большая часть времени уходила на сидение в офисе, изучение регламентов, обязательных тренингов и «подай-принеси», если вдруг что потребовалось начальству. О делах Выездных Комиссий узнавал лишь из открытой части ежемесячных сводок аналитического отдела. Большую часть

свободного времени съедали заочные курсы спецподготовки – гуманитарные и технические дисциплины, необходимость которых для сотрудников Виктор пока не улавливал.

По слухам, после переезда Департамента в Ясенево предполагались кадровые пертурбации, а стало быть, не исключались и всяческие продвижения по службе. Кому-то повезет, подумал Виктор, возвращая костяшку-талисман в кармашек. «А вот Ольге вряд ли», – решил он, скосив глаза на соседнюю ячейку. Из-за невысокой перегородки видны стол с терминалом, заставленный мелкими горшками с непонятными цветочками, подставка с карандашами и скрепками, стопка бумажных файлов, прижатых миниаквариумом, а к стене булавкой припиленна плюшевая неведомая зверушка. Канцелярской дребедени тоже хватало. Не хватало лишь самой Ольги. Вот уже два дня, как ячейка пустовала.

В офисе, кроме Виктора, никого не было. Одни заблаговременно собрали свое барахло, и теперь их коробка с именными наклейками громоздилась у входа. Другие работали в ночную смену и заранее подсуетились, когда вывозили оборудование. Поэтому когда над дверью замигал вызов к начальнику отдела, Виктор поправил на поясе аптечную сумку и пошел к Бурмистрову.

Николая Семеновича сотрудники побаивались. Он закрывал глаза на бардак в офисе, не дергал поминутно, не ругал за опоздания и даже беспричинные отсутствия на рабочем месте. Но неукоснительно требовал еженедельных отчетов, которые Ольга прозвала «песней оленевода». В отчетах предписывалось в произвольной форме своими словами рассказать о своих наблюдениях и впечатлениях о чем или о ком угодно, хоть о погоде или прохожих, хоть «о королях и капусте», как однажды непонятно пошутила Ольга. Лишь бы уложиться в двадцать тысяч знаков. Сдавать отчеты надо было вовремя, попытки использовать чужие тексты мгновенно вскрывались и немедленно карались штрафами.

Виктор заподозрил было, что кто-то из коллег пишет о своих сослуживцах, но быстро сообразил, что в департаментской системе перекрестного контроля доносы ни к чему. При необходимости центральный компьютер, почему-то прозванный «Большим Братом», отследит перемещения и контакты любого из них с точностью до сантиметра и секунды, запишет разговоры даже с навигатора без питания и сообщит их тому, кто имеет должные полномочия. О том, что с навигатора можно взять разговор или картинку и при вынужденном аккумуляторе, знали даже дети. Начальник отдела, наверное, не знал, потому перед ним лежал разобранный навигатор.

Бурмистров посмотрел на Виктора начальственно, то есть как бы с трудом вспоминая, зачем его вызвал.

– Это не мой, – сказал Николай Семенович, заметив удивленный взгляд Виктора. – Дочка попросила заменить на новый, а я не пойму, в чем разница, характеристики одни и те же! Ты присаживайся...

– Разница в цвете пластика или в материале браслета. Говорят, есть золотые с бриллиантовой отделкой.

Николай Семенович смахнул навигатор со стола в корзину.

– Ладно, забудь! Ты мне вот что скажи, в последнее время не замечал за Скобелевой ничего странного?

Виктор покачал головой. Если у Ольги возникли проблемы, то любое лишнее слово может быть двояко истолковано. Первый принцип службы, «не болтай!» Виктор усвоил на второй день работы. Дежурный по офису предложил ему пройти какой-то «тест Ришелье» и написать шесть строчек о чем угодно, а потом объяснил, по каким статьям и на сколько лет за слова из детской песенки можно отправить коллегу на вольное поселение в солнечные края.

– Ее ищут в отделе кадров, но никак не могут связаться, – пояснил Николай Семенович. – Психологи, которые читают ваши отчеты, – тут он подмигнул, – рекомендуют перевести ее к

аналитикам. В штат! Большие, большие перспективы... – назидательно поднял палец, – а наша девица-красавица куда-то исчезла.

Виктор почесал запястье. Во время медосмотра ему вживили под кожу маячок, добродушно пообещав быстро и безболезненно изъять его после выхода на пенсию, несвоевременной кончины, досрочного увольнения или в любой момент, если ему дадут пинка из Департамента.

Начальник строго нахмурился, потом пробормотал что-то неразборчиво, вроде «ну да, особа, приближенная к верхам», вздохнул и ткнул пальцем в большой настенный терминал. Пошевелил ладонью, масштаб карты города изменился, и Виктор узнал похожий на большую восьмиконечную звезду аквапарк в Троицком районе. Рядом, через улицу, стояли высокие, судя по тени, дома. Терминал моргнул, карта перешла в режим схемы, и на контуре одного из домов замигала синяя точка, рядом с которой был выведен номер.

– Вторые сутки ее маячок фиксируется здесь, навигатор там же, но отключен. – Бурмистров нахмурился. – Можно, конечно, активизировать его, но зачем я буду вмешиваться в личную жизнь своих сотрудников, а?

– Незачем, – согласился Виктор.

– Вот именно! Но если, предположим, сотрудник почему-то задерживается в квартире человека, недавно проходящего по одному делу, то как мне быть? Человек этот в криминале не замечен, его пригласили для опознания трупа. Вопрос: по какой причине она там оказалась, добровольно или вынужденно, и, главное, в каком находится состоянии, если до сих пор не изволила отметить на службе?! Вот ты, как коллега, что скажешь?

Виктор пожал плечами:

– Мало ли... Ольга – девушка вроде свободная, в интимных встречах с коллегами не замечена, так, может, просто у нее там плотная встреча с другом.

– Теперь это так называется? Кстати, Ольга живет со старой матерью и больной сестрой. Дома не была два дня. Разумеется, ее дело, где, когда и с кем встречаться. Но сам как думаешь – это нормально?

Это ненормально, решил Виктор. Чужая жизнь – лес густой, но Ольга не похожа на самку, которая ради перепиха забьет на все.

– В общем, надо просто глянуть, что и как, – Николай Семенович взял из лотка визитницу, перелистал ее страницы и вытащил синюю, с красной молнией, карту. – Вот тебе вездеход от Департамента по водоснабжению. Открывает любые двери. На предъявителя. Никаких активных действий! Если жива и здорова, извинись, улыбнись и возвращайся. Если дверь не откроют, сразу сообщи и уходи, оперативников я вышлю сам. Никакой самостоятельности! Никакого оружия... Впрочем, вам и не положено. Жду твоего звонка. Вопросы есть?

– Вопросы есть, – ответил Виктор. – По какому делу проходил хозяин квартиры, кто он, сколько ему лет, кто еще там проживает и, последнее – мог ли кто-то, кроме вас, поручить Ольге самостоятельное расследование?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.